

18+

Дмитрий Герасимов

Влесова КНИГА:

Что дальше?

феномен, текст, миф

Дмитрий Герасимов

**Влесова книга: что дальше?
Феномен, текст, миф**

«Издательские решения»

Герасимов Д.

Влесова книга: что дальше? Феномен, текст, миф /
Д. Герасимов — «Издательские решения»,

Настоящее исследование посвящено феномену «Влесовой книги» — одному из самых противоречивых текстов русской культуры XX–XXI вв., прошедшему путь от маргинальной гипотезы эмиграции до сакрального писания неоязычества. Впервые предпринят комплексный междисциплинарный анализ памятника как целостного феномена: история публикации, научная критика, проблема подлинности и трансформация восприятия. Особое внимание уделено бытованию текста в современном неоязычестве и его перспективам.

Содержание

От автора	6
Введение. Предмет исследования и его актуальность	7
Источниковедческая база	9
Методологические принципы	11
Структура работы	13
Часть первая. История вопроса: От находки к сенсации	15
Глава 1. Обстоятельства обнаружения и первые публикации	15
1.1. Личность полковника Изенбека: мифы и реальность	15
1.2. Юрий Миролюбов: между литературой и археологией	17
1.3. Брюссельский мешок: что известно о «дощечках»?	18
1.4. Проблема фотографий: единственный уцелевший снимок	19
1.5. Роль А. А. Кура (Куренкова) в первой публикации	19
1.6. Журнал «Жар-птица» (Сан-Франциско): хронология публикаций 1953—1959 годов	20
Источники к главе 1	21
Глава 2. Первые исследователи и популяризаторы	22
2.1. Сергей Лесной (С. Я. Парамонов): биография и научный багаж	22
2.2. Полемика вокруг первых публикаций в эмигрантской среде	24
2.3. Формирование круга сторонников подлинности	25
Источники к главе 2	27
Глава 3. Проникновение в Советский Союз и первые отклики	28
3.1. Информация о «сенсации» в советской научной среде	28
3.2. Обращение С. Лесного в Комитет славистов АН СССР	29
3.3. Реакция академического сообщества: первые сигналы тревоги	30
Источники к главе 3	33
Глава 4. Александр Асов и «канонизация» текста	34
4.1. Личность и мировоззрение А. И. Асова	34
4.2. Первые издания в постсоветской России (1990-е годы)	36
4.3. Эволюция переводов: от «Влесовой» к «Велесовой» книге	37
4.4. Формирование «канонического» корпуса текстов	38
4.5. Коммерческий успех и влияние на массовое сознание	39
4.6. Критика асовских изданий в научной среде	40
Библиографический обзор к части первой	42
Часть вторая. Источниковедческий анализ: аргументы pro et contra	45
Глава 5. История изучения: основные вехи и персоналии	45
5.1. Классификация исследовательских подходов	45
5.2. Апологетическое направление	46
5.3. Скептическое направление	47
5.4. «Третья позиция»: попытки найти компромисс	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Влесова книга: что дальше? Феномен, текст, миф

Дмитрий Герасимов

© Дмитрий Герасимов, 2026

ISBN 978-5-0069-7813-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Предлагаемая читателю книга не имеет своей целью доказать или опровергнуть подлинность «Влесовой книги». За семь десятилетий научной дискуссии накоплен достаточный аргументарий для того, чтобы каждый заинтересованный читатель мог составить собственное мнение. Задача настоящего исследования иная — рассмотреть «Влесову книгу» как целостный феномен русской культуры XX—XXI веков, проследить ее удивительную эволюцию от маргинальной гипотезы до сакрального текста, понять механизмы этой трансформации и, наконец, взглянуть в будущее — в ту новую жизнь, которую обретает этот памятник в современном неоязычестве.

Особенность предлагаемой работы — совмещение строгого источниковедческого анализа с попыткой понять внутреннюю логику тех, для кого «Влесова книга» является не предметом исследования, а источником веры и вдохновения. Без этого понимания любой разговор о феномене будет неполным.

Издание адресовано историкам, филологам, религиоведам, а также широкому кругу читателей, интересующихся проблемами фальсификации истории, природой мифотворчества и феноменом нового религиозного сознания.

Введение. Предмет исследования и его актуальность

Эта книга посвящена феномену, который вот уже более семи десятилетий будоражит умы и разделяет исследовательское сообщество на непримиримые лагеря. «Влесова книга» (в позднейшей, более благозвучной транскрипции Александра Асова — «Велесова книга») — текст, претендующий на звание древнейшей славянской летописи, вырезанной на деревянных дощечках жрецами дохристианской Руси. Обстоятельства его появления, драматическая судьба, ожесточенные споры о подлинности и, главное, удивительная трансформация из маргинальной гипотезы в сакральное писание современного неоязычества — все это делает «Влесову книгу» не просто историческим курьезом или лингвистической головоломкой, но полноправным и значимым явлением русской культуры XX—XXI веков.

Предметом настоящего исследования является «Влесова книга» как целостный феномен — в единстве ее текстологической природы, историографической судьбы и социокультурной рецепции. Мы сознательно выносим за скобки извечный спор о подлинности или поддельности памятника, не потому что считаем этот вопрос неважным, а потому что он уже получил исчерпывающую разработку в трудах нескольких поколений ученых. Лингвистический анализ Л. П. Жуковской и А. А. Зализняка, текстологические разыскания О. В. Творогова, историко-культурные исследования В. П. Козлова и И. Н. Данилевского, наконец, фундаментальная монография Д. С. Логинова 2022 года — все это с высокой степенью достоверности доказывает, что язык «Влесовой книги» представляет собой искусственный конструкт, созданный в середине XX века из разнородных славянских элементов, а ее содержание отражает не столько реалии древности, сколько интеллектуальные споры и идеологические установки русской эмиграции первой волны.

Однако научный консенсус о поддельности текста никак не повлиял на его популярность и, более того, не уменьшил его влияния. Напротив, с крушением СССР и началом постсоветской эпохи «Влесова книга» пережила второе рождение. В переложениях и комментариях Александра Асова она разошлась миллионными тиражами, стала настольной книгой для тысяч людей, ищущих свои «славянские корни», и превратилась в краеугольный камень новой религиозной традиции — русского неоязычества (родноверия).

Именно этот парадокс — несоответствие между научной оценкой текста и его реальным культурным весом — и определяет актуальность нашего исследования. Мы наблюдаем уникальный случай, когда текст, не имеющий отношения к древности, обретает сакральный статус в современности; когда научная критика не только не разрушает веру, но, напротив, укрепляет ее, воспринимаясь как доказательство «заговора официальной науки» против «подлинной истории славян». Этот феномен требует осмысления не в категориях «истина/ложь», а в категориях «функция/смысл». Нам важно понять, как, почему и для кого «Влесова книга» становится священной, какие потребности она удовлетворяет, какую картину мира предлагает и как эта картина мира соотносится с реальностью.

Актуальность исследования усиливается и тем, что в последние годы наблюдается новый всплеск интереса к «Влесовой книге» как в академической среде (монография Д. С. Логинова, сборники статей, защищенные диссертации), так и в общественном пространстве (многочисленные переиздания, дискуссии в интернете, использование текста в неоязыческих обрядах). Кроме того, сам феномен неоязычества, для которого «Влесова книга» является ключевым источником, привлекает все большее внимание религиоведов, социологов и политологов.

Понимание природы и функций этого текста необходимо для адекватной оценки процессов, происходящих в современном религиозном ландшафте России.

Наконец, «Влесова книга» представляет собой замечательный материал для изучения механизмов мифотворчества в XX—XXI веках. Мы видим, как на наших глазах создается миф — не в древности, а сейчас, с использованием всех доступных средств коммуникации, и как этот миф обретает власть над умами. Исследование этого процесса проливает свет на более общие закономерности функционирования культуры, на природу исторического сознания и на то, как общество конструирует свое прошлое.

Таким образом, предмет нашего исследования — не древний текст, каковым «Влесова книга», по всей вероятности, не является, и не современная подделка, каковой она, скорее всего, является, а культурный и религиозный феномен во всей его полноте и противоречивости.

Источниковедческая база

При работе над книгой был использован широкий круг источников, которые можно разделить на несколько групп.

Первая группа — публикации самого текста «Влесовой книги». Они включают как первые издания в эмигрантской периодике, так и последующие многократные переиздания в России. Важнейшими для нас являются:

— Публикации А. Кура в журнале «Жар-птица» (Сан-Франциско, 1953—1959) — первые по времени появления, задавшие тон всем последующим интерпретациям.

— Издания Сергея Лесного (С. Я. Парамонова), в частности книга «„Влесова книга“ — языческая летопись доолеговской Руси» (Виннипег, 1966), содержащая тексты, переводы и первый развернутый комментарий.

— Публикация О. В. Творогова в 43-м томе «Трудов Отдела древнерусской литературы» (1990) — первое научное издание текста в России, выполненное по машинописи Миролюбова и ставшее основой для всех последующих академических исследований.

— Многочисленные издания Александра Асова, начиная с 1990 года и по настоящее время. Эти издания интересны не столько как воспроизведение текста (Асов активно редактировал и дополнял его), сколько как документ, фиксирующий процесс сакрализации памятника и его адаптации для массового читателя.

Вторая группа источников — эпистолярное наследие и мемуары лиц, причастных к истории «Влесовой книги». Ключевое значение имеют:

— Письма Ю. П. Миролюбова к А. А. Куру и С. Лесному, в которых он описывает обстоятельства работы с дощечками и делится соображениями о их происхождении. Часть этих писем была опубликована, часть сохранилась в архивах и введена в научный оборот позднейшими исследователями.

— Переписка С. Лесного с советскими учеными и его полемические статьи, в которых он защищает подлинность «Влесовой книги» и критикует оппонентов.

— Воспоминания современников об Изенбеке, Миролюбове и Куре, собранные по крупицам историками русского зарубежья.

Эти источники требуют критического подхода, поскольку их авторы были заинтересованными лицами и нередко противоречили друг другу. Тем не менее, без них невозможно реконструировать историю обнаружения и первых публикаций текста.

Третья группа — научная литература, посвященная «Влесовой книге». Она огромна и включает сотни наименований. В нашей работе мы опирались прежде всего на:

— Исследования лингвистов: работы Л. П. Жуковской (1960), заложившие основы научной критики текста; статьи и заметки А. А. Зализняка, в которых на небольшом материале блестяще продемонстрирована искусственность языка памятника; труды О. В. Творогова, сочетающие текстологический и лингвистический анализ.

— Историко-источниковедческие исследования: работы В. П. Козлова о фальсификациях исторических источников, где «Влесова книга» рассматривается в ряду других подделок; разделы в книгах И. Н. Данилевского, посвященные проблемам восприятия древности; иссле-

дования Б. А. Рыбакова, который, будучи крупнейшим авторитетом в славянской археологии и истории, высказался о «Влесовой книге» однозначно отрицательно.

— Фундаментальную монографию Д. С. Логинова «„Влесова книга“: введение к научному анализу источника» (2022) — наиболее полное на сегодняшний день исследование, обобщающее результаты предшественников и предлагающее новые подходы к анализу текста.

— Критические сборники, такие как «Что думают ученые о „Влесовой книге“» (под ред. А. А. Алексеева, 2004) и «„Влесова книга“: pro et contra» (сост. В. В. Фомин, 2015), где собраны ключевые работы сторонников и противников подлинности.

Четвертую группу составляют апологетические сочинения — работы авторов, признающих подлинность «Влесовой книги» и развивающих на ее основе собственные исторические и религиозные концепции. Сюда относятся:

— Книги и статьи С. Лесного, впервые систематически изложившие аргументы в пользу подлинности.

— Публикации А. И. Асова, включая многочисленные переводы, комментарии, а также оригинальные сочинения, развивающие мифологию «Влесовой книги».

— Работы Г. С. Гриневича, пытавшегося дешифровать письмо дощечек и подтвердить его древность.

— Публикации в неоязыческой периодике и интернет-изданиях, отражающие современное состояние культа.

Эти источники ценны не столько фактической информацией (которая часто сомнительна), сколько как свидетельства определенного мировоззрения и как материал для изучения рецепции текста.

Пятая группа — литература по истории русского зарубежья, истории общественной мысли, религиоведению и социологии религии, необходимая для понимания контекста бытования «Влесовой книги». Сюда относятся работы В. А. Шнирельмана о неоязычестве и арийском мифе, исследования А. В. Гайдукова о славянском родноверии, труды по истории эмиграции и др.

Шестую группу составляют интернет-источники: форумы, сайты неоязыческих общин, блоги, социальные сети. Этот материал, хотя и не всегда надежный с фактической точки зрения, незаменим для изучения современных форм бытования «Влесовой книги» и ее восприятия рядовыми верующими.

Таким образом, источниковедческая база исследования обширна и разнородна, что требует применения различных методов анализа в зависимости от природы источника.

Методологические принципы

Сложность и многогранность предмета исследования обусловили необходимость применения комплекса методологических подходов. основополагающим для нас является принцип историзма, требующий рассмотрения любого явления в его развитии, в контексте конкретно-исторических условий его возникновения и функционирования. «Влесова книга» не существует в безвоздушном пространстве; она порождена определенной эпохой, определенными социальными и культурными обстоятельствами и трансформируется вместе с изменением этих обстоятельств. Поэтому мы прослеживаем эволюцию текста и его восприятия на протяжении более чем полувека — от первых публикаций в эмигрантском журнале до современного статуса сакрального писания.

Вторым важнейшим принципом является источниковедческий подход. Мы рассматриваем «Влесову книгу» не как непосредственное свидетельство о древности, а как исторический источник — документ, созданный в определенное время и с определенными целями. Соответственно, мы задаем тексту традиционные для источниковедения вопросы: кем, когда, где, с какой целью и на основе каких данных он мог быть создан? Ответы на эти вопросы, даже если они остаются гипотетическими, позволяют понять природу памятника.

Третий принцип — междисциплинарность. Феномен «Влесовой книги» не может быть адекватно описан в рамках одной научной дисциплины. Мы привлекаем данные лингвистики (для анализа языка текста), текстологии (для изучения его истории и разночтений), истории (для сопоставления содержания с известными историческими фактами), археологии (для проверки реалий), религиоведения (для анализа сакрализации), социологии (для изучения социального состава и мотиваций почитателей), культурной антропологии (для понимания механизмов мифотворчества). Каждая из этих дисциплин дает свой срез, и только их синтез позволяет приблизиться к целостному пониманию феномена.

Четвертый принцип — отказ от бинарной оппозиции «подлинное/поддельное» как единственной рамки исследования. Как уже отмечалось, для нас этот вопрос в значительной степени решен предшествующей наукой. Но даже если текст является подделкой, он от этого не перестает быть культурным фактом огромной важности. Подделка, мистификация, апокриф — это тоже полноценные жанры, требующие изучения. Они могут рассказать о своем времени не меньше, чем подлинные памятники. Поэтому мы сознательно смещаем фокус внимания с вопроса «что это?» на вопросы «как это устроено?», «почему это повлияло на людей?», «какие функции это выполняет?».

Пятый принцип — принцип дополнительности (в смысле, близком к нильсборговскому принципу в физике). Мы допускаем возможность сосуществования различных, в том числе взаимоисключающих, интерпретаций одного и того же феномена. Для историка текста «Влесова книга» — один объект, для филолога — другой, для верующего неоязычника — третий. Описывая эти разные видения, мы не обязаны выбирать одно как единственно истинное; мы можем показать их соотношенность и взаимную дополнительность в создании целостной картины.

Наконец, шестой принцип — принцип эмпатии. Изучая верования и представления людей, для которых «Влесова книга» священна, мы не можем ограничиваться внешней критикой или, тем более, высмеиванием. Необходимо понять внутреннюю логику их мировоззрения,

мотивы обращения к тексту, те потребности, которые он удовлетворяет. Это не означает принятия их истин, но требует уважения к предмету исследования и к людям, которые с ним связаны. Без этого понимания любое исследование будет неполным и, в конечном счете, несправедливым.

Структура работы

Предлагаемая читателю книга состоит из шести частей, каждая из которых посвящена определенному аспекту феномена «Влесовой книги».

Часть первая — «История вопроса: от находки к сенсации» — посвящена обстоятельствам обнаружения дощечек, личностям причастных к этому людей и первым публикациям текста. Мы подробно рассматриваем биографии Федора Изенбека, Юрия Миролюбова, Александра Кура, Сергея Лесного, анализируем доступные сведения о внешнем виде и судьбе дощечек, а также хронику публикаций в журнале «Жар-птица» и других изданиях. Особое внимание уделяется роли Александра Асова, благодаря которому текст обрел массовую аудиторию в постсоветской России.

Часть вторая — «Источниковедческий анализ: аргументы pro et contra» — представляет собой систематическое изложение научной дискуссии о подлинности «Влесовой книги». Мы рассматриваем лингвистические аргументы скептиков (работы Л. П. Жуковской, А. А. Зализняка), историко-текстологические исследования (В. П. Козлов, И. Н. Данилевский), а также попытки защиты подлинности (С. Лесной, А. И. Асов, Г. С. Гриневич). Завершается часть обзором фундаментального труда Д. С. Логинова, подводящего итог многолетним исследованиям.

Часть третья — «Новые перспективы исследования» — предлагает взгляд на «Влесову книгу» за пределами спора о подлинности. Мы рассматриваем текст как лингвистический палимпсест, отражающий языковые процессы XX века, как источник по истории общественной мысли, как арену борьбы идеологий (в частности, в контексте норманнского вопроса), как объект текстологической критики. Отдельная глава посвящена филологии «темных мест» — анализу наиболее сложных для интерпретации фрагментов.

Часть четвертая — «Рецепция: „Влесова книга“ в общественном сознании» — проследживает эволюцию восприятия текста от маргинальной гипотезы 1950-х годов до феномена массовой культуры 1990—2020-х. Мы анализируем позицию академической науки, отражение «Влесовой книги» в публицистике, художественной литературе, интернете, а также психологические механизмы, стоящие за верой в ее подлинность.

Часть пятая — «Новая жизнь: „Влесова книга“ в современном неоязычестве» — центральная для понимания современного статуса текста. Мы рассматриваем процесс сакрализации «Влесовой книги», формирование на ее основе мифологии и пантеона, этическую систему, споры о подлинности внутри неоязыческого сообщества. Анализируются четыре основных стратегии отношения к тексту (фундаменталистская, либерально-апологетическая, ревизионистская, конструктивистская), а также практики его богослужебного применения. Отдельная глава посвящена перспективам — возможностям написания «продолжения» или «исправления» книги.

Часть шестая — «Вместо заключения: феномен в перспективе» — подводит итоги исследования, формулирует основные выводы и намечает направления для дальнейших исследований. Мы также предлагаем размышления об «уроках „Влесовой книги“» — о том, что этот феномен говорит о природе исторического знания, механизмах создания сенсаций и потребности современного человека в сакральном и национальном мифе.

Завершают книгу приложения, включающие хронологию событий, биографические справки об основных действующих лицах, образцы текста в различных переводах, сравнительные таблицы публикаций, словарь основных персонажей и богов, а также обширную библиографию, насчитывающую несколько десятков наименований.

Такая структура позволяет, как нам представляется, охватить феномен «Влесовой книги» во всей его полноте — от конкретных обстоятельств появления до высот сакрального почитания, от строгого научного анализа до понимания внутреннего мира верующих. Мы надеемся, что книга будет полезна как специалистам — историкам, филологам, религиоведам, так и широкому кругу читателей, интересующихся загадками истории, природой мифов и судьбами религиозных исканий в современном мире.

Часть первая. История вопроса: От находки к сенсации

Глава 1. Обстоятельства обнаружения и первые публикации

Всякая тайна имеет свое начало. У тайны «Влесовой книги» начало это — человек по имени Федор Артурович Изенбек, деревянные дощечки с непонятными письменами и эмигрантский литератор Юрий Петрович Миролюбов, чья фамилия навсегда оказалась вплетена в историю этого загадочного текста. Обстоятельства обнаружения дощечек, их внешний вид, судьба людей, причастных к их сохранению, — все это обросло за десятилетия легендами, противоречиями и вопросами, на которые уже вряд ли удастся получить исчерпывающие ответы. Тем не менее, реконструкция событий, насколько это возможно по доступным источникам, необходима для понимания природы феномена.

1.1. Личность полковника Изенбека: мифы и реальность

Федор Артурович Изенбек — фигура, в которой удивительным образом переплелись документально подтвержденные факты и романтические легенды, во многом созданные уже после его смерти. Прежде всего, стоит отметить, что само имя «Федор» соседствовало у него с восточным «Али», и именно под этим двойным именем — Али Изенбек — он известен как художник. Созвучие его немецкой фамилии с тюркским титулом «бек», многолетние поездки в Среднюю Азию и устойчивый интерес к восточной тематике в творчестве породили устойчивый миф о его «туркменском» или «азиатском» происхождении, который поддерживал, в частности, и Юрий Миролюбов.

Реальность была прозаичнее, но не менее интересна. Федор Артурович Изенбек родился 3 сентября 1890 года в Санкт-Петербурге в купеческой семье немецкого (вестфальского) происхождения. Мать его была русской, бабушка, вероятно, англичанкой. Старший брат, Сергей Артурович, стал крупным специалистом в области морского приборостроения, разрабатывал системы управления стрельбой — прообразы будущих компьютеров — и удостоился звания заслуженного деятеля науки и техники РСФСР.

Федор избрал иной путь. Он учился в Морском кадетском корпусе, а затем поступил в Императорскую Академию художеств. В 1908 году молодой художник отправился в Париж, где работал в мастерской символиста Анри Мартена. Но подлинной страстью его стал Восток. В 1911—1914 годах Изенбек участвовал в археологических экспедициях Академии художеств в Туркестане — в Бухаре, Хиве, а также в северной Персии. Он работал художником-зарисовщиком, фиксируя архитектурные памятники и сцены восточной жизни. Тогда же он проходил воинскую повинность в 1-м Туркестанском стрелковом артиллерийском дивизионе и в ноябре 1912 года был произведен в прапорщики запаса.

С началом Первой мировой войны Изенбек был призван в действующую армию. Воевал он храбро: в феврале 1915 года в бою у деревни Черноцин-Панский, командуя взводом, под сильнейшим огнем противника он сумел привлечь на себя огонь четырех немецких батарей, чем дал возможность пехоте не только отбить атаку, но и захватить пленных. За этот подвиг штабс-капитан Изенбек был удостоен ордена Святого Георгия 4-й степени.

Гражданская война застала его в рядах Добровольческой армии. Изенбек участвовал в знаменитом 1-м Кубанском («Ледяном») походе, командовал батареей в Марковской артиллерийской бригаде — одной из самых боеспособных частей белой армии. В ноябре 1919 года он был произведен в полковники. В бою 10 августа 1920 года его батарея успешно боролась с противником, выведя из строя два бронепоезда, за что Изенбек был награжден орденом Святителя Николая Чудотворца. После эвакуации из Крыма он оказался в Галлиполи, затем жил в Болгарии, Королевстве сербов, хорватов и словенцев, во Франции и, наконец, в 1924 году обосновался в Бельгии, в брюссельском предместье Юкль.

Здесь военный человек уступил место художнику. Изенбек работал на ковровой фабрике «Тарі» и за свою жизнь создал, по некоторым оценкам, около 15 тысяч рисунков для восточных ковров. Он писал городские пейзажи Брюсселя и Фландрии, портреты, натюрморты, мистические композиции, пробовал себя в жанре комиксов под влиянием знаменитого Эрже. Восточная тема неизменно присутствовала в его творчестве: базары, танцовщицы, орнаменты. Он участвовал в бельгийских выставках, в том числе в престижной выставке «Художники Восточной Европы» в 1936 году.

Жена Миролюбова, Жанна (Галина Францевна), оставила описание внешности и характера Изенбека: «Это был высокоинтеллигентный, очень культурный человек! Красивый внешне, голубоглазый, ростом небольшой, сухощавый. Но какой сильный характер! Много говорить не любил, часто бывал угрюм, даже резок. Вино любил... Изенбек пил много, да еще употреблял кокаин, к которому пристрастился в последние годы Гражданской войны...».

10 августа 1941 года, вскоре после оккупации Бельгии нацистской Германией, Федор Артурович Изенбек скончался. Ему был 51 год. После смерти художника осталось около 400 картин, часть из которых в 2002 году была передана его вдовой киевскому искусствоведу Владимиру Перегинцу и ныне находится в Украине.

Однако подлинную — пусть и посмертную — известность Изенбеку принесли не его картины, а история с деревянными дощечками. Согласно версии Миролюбова, в 1919 году, во время отступления белой армии, Изенбек обнаружил в разоренном дворянском имении где-то под Орлом или Курском (позже называли также имение князей Куракиных под Харьковом) деревянные дощечки, испещренные странными письменами. «Хозяева были перебиты красными бандитами, их многочисленная библиотека разграблена, изорвана, и на полу валялись разбросанные дощечки, по которым ходили невежественные солдаты и красногвардейцы до прихода батареи Изенбека», — так пересказывал Миролюбов рассказ Изенбека. Офицер, археолог по образованию и призванию, подобрал дощечки и с тех пор не расставался с ними, возя за собой по фронтам Гражданской войны, а затем и в эмиграции.

Никаких документальных подтверждений этой истории не существует. Имение с точно такими приметам не идентифицировано, княжеский род Задонских (которого просто не существовало) — явная ошибка памяти или намеренная мистификация. Никто, кроме Миролюбова, не видел дощечек при жизни Изенбека. Предложение профессора Брюссельского университета Экка изучить их было, по словам Миролюбова, решительно отвергнуто Изенбеком. Остается лишь принимать рассказ на веру или подвергать сомнению.

1.2. Юрий Миролюбов: между литературой и археологией

Юрий Петрович Миролюбов (настоящая фамилия Лядский) родился 30 июля (11 августа) 1892 года в городе Бахмут Екатеринославской губернии в семье священника. Судьба его была типична для многих русских эмигрантов первой волны, но при этом наполнена событиями, достойными авантюрного романа.

Он не закончил духовного училища, куда определил его отец, перешел в гимназию, а затем поступил в Варшавский университет. Перед самой Первой мировой войной перевелся в Киевский университет на медицинский факультет, но закончить образование не успел — началась война, и Миролюбов ушел на фронт добровольцем, получив чин прапорщика.

В Гражданскую войну его путь был извилист и трагичен: он служил в вооруженных силах Центральной Рады в Киеве, затем ушел на Дон, в ряды Добровольческой армии генерала Деникина. В 1920 году вместе с остатками разгромленных белых армий он был эвакуирован в Египет. Там ему удалось устроиться в экспедицию, направлявшуюся в Центральную Африку, но в пути он тяжело заболел и оказался в госпитале в Южной Африке. После выздоровления недолго жил в Индии, затем перебрался в Турцию. Лишь в конце 1921 года при содействии русского консула в Стамбуле Миролюбов получил разрешение на переезд в Прагу, где как русский студент-эмигрант получал государственную стипендию и учился в Пражском университете.

В 1924 году он был вынужден покинуть Чехословакию по политическим причинам и перебрался в Бельгию. Там, в Брюсселе, он и встретил Изенбека. По образованию Миролюбов был инженером-химиком и работал главным инженером на фабрике синтетического глицерина, но главным делом его жизни стали литература и изыскания в области древнеславянской истории и фольклора.

Вот как сам Миролюбов описывал свое знакомство с дощечками. В письме от 11 ноября 1957 года он рассказывал: встретились они с Изенбеком у церкви на рю Шевалье в Брюсселе, и Изенбек пригласил его в ателье посмотреть картины. Миролюбов пожаловался, что для задуманной эпической поэмы о князе Святославе ему нужен «язык эпохи», подлинные хроники, которых в эмиграции не найти. Тогда Изенбек указал на мешок в углу: «Там что-то есть...».

«В мешке я нашел „дощки“, связанные ремнем, пропущенным в отверстия... Посмотрел я на них и онемел!» — вспоминал Миролюбов. Однако Изенбек не разрешал выносить дощечки из дома, и Миролюбову пришлось работать над ними в его присутствии. Эта работа растянулась на долгие годы — с 1925 по 1939 год.

Поразительно, но человек с такой биографией — химик по профессии, литератор по призванию, не имевший систематического лингвистического или исторического образования — оказался единственным, кто имел доступ к уникальному древнему памятнику. Впоследствии, когда текст дощечек стал предметом научной дискуссии, именно это обстоятельство стало одним из главных аргументов скептиков: большинство исследователей, считающих «Влесову книгу» подделкой, приписывают её авторство именно Миролюбову.

В пользу этой версии говорит и тот факт, что Миролюбов активно занимался сочинительством на темы древнеславянской истории, публиковал собственные реконструкции языческих мифов и сказов. Он развивал идеи «славянской школы», предлагал создать новую историче-

скую дисциплину, изучающую «преисторию русов», и утверждал, что «славяно-русы... являются древнейшими людьми на Земле». В этом контексте «находка» дощечек, подтверждающих его теории, выглядит более чем удобной.

В 1954 году Миролюбов с женой эмигрировал в США, где некоторое время редактировал журнал «Жар-птица». В 1956 году он тяжело заболел артритом и потерял трудоспособность, но продолжал литературную работу. В 1970 году супруги решили переехать в Германию, на родину жены. По пути в Европу Юрий Петрович заболел воспалением легких и скончался в открытом океане на пароходе 6 ноября 1970 года.

1.3. Брюссельский мешок: что известно о «дощечках»?

Все сведения о том, как выглядели дощечки, исходят от Юрия Миролюбова. В уже упоминавшемся письме 1957 года он подробно описал внешний вид и параметры артефактов.

По этим описаниям, дощечки были приблизительно одинакового размера — 38 сантиметров в длину и 22 в ширину, толщиной около полусантиметра. Они имели по два отверстия, через которые был продет ремень, скреплявший их наподобие книги. Края были обрезаны неровно — «резали ножом, а никак не пилой». Поверхность дощечек была неровной, с углублениями, местами они потрескались, покоробились, были испещрены какими-то пятнами.

Текст, по словам Миролюбова, был нацарапан шилом или, возможно, вырезан ножом, а затем натерт чем-то бурым (вероятно, для контраста) и покрыт лаком или маслом, которое со временем местами отслоилось. На полях некоторых дощечек имелись рисунки: головы быка, солнца, различных животных — возможно, символы месяцев года.

Техника письма была следующей: сначала через всю дощечку проводилась горизонтальная линия, а затем под ней слева направо писались буквы, все заглавные, касающиеся верхней частью этой линии. Текст писался сплошь, без разделения на слова, без знаков препинания, без абзацев. Если слово не умещалось, его переносили в следующую строку, даже если переносилась всего одна буква. Текст переходил с одной стороны дощечки на другую и с одной дощечки на следующую без каких-либо помет. Нумерация отсутствовала.

Миролюбов утверждал, что работал над расшифровкой текста более пятнадцати лет, переписывая его буква за буквой. Одна дощечка, по его словам, могла занимать месяц работы. Всего, по разным данным, дощечек было около трех-четырёх десятков, сложенных в два кожаных мешка.

Важно отметить, что Миролюбов использовал необычное слово «дошки» (в родительном падеже «дошек»). Это слово отсутствует в древнерусских памятниках и в самой «Влесовой книге»; вероятно, оно происходит от украинского «дошка» — доска.

После смерти Изенбека в 1941 году дощечки бесследно исчезли. Миролюбов, ставший наследником по завещанию, не мог попасть в квартиру несколько недель из-за бюрократических препятствий, а когда наконец туда вошел, обнаружил, что все дощечки пропали. Официальная версия гласила, что хозяин дома, где располагалась квартира, в это время топил камин и использовал дощечки как растопку. По другой, более загадочной версии, выдвинутой в 1990-х годах Александром Асовым, дощечки были похищены сотрудником организации «Аненербе»

из Брюссельского университета и после войны проданы мормонам. Однако никаких документальных подтверждений эта версия не имеет.

1.4. Проблема фотографий: единственный уцелевший снимок

Если дощечки исчезли, то главным материальным свидетельством их существования должны были стать фотографии. И здесь мы сталкиваемся с еще одной загадкой.

Миролюбов в письмах упоминал, что пытался фотографировать дощечки, но качество снимков было плохим. В ноябре 1953 года редакция журнала «Жар-птица» сообщила читателям, что в ее распоряжении имеются «фотографические снимки» дощечек. Однако в дальнейшем выяснилось, что эти снимки либо не существовали вовсе, либо были настолько низкого качества, что не позволяли ничего разобрать.

Единственная фотография, которая дошла до наших дней, была опубликована в январском номере «Жар-птицы» за 1955 год. На ней изображена так называемая «дощечка №16». Это изображение — единственное визуальное свидетельство, на которое могут опираться исследователи. Все остальные дощечки известны только по копиям Миролюбова.

Фотография дощечки №16 стала предметом пристального изучения. Лингвист Лидия Павловна Жуковская, одна из первых советских исследовательниц текста, обратила внимание на важную деталь: на снимке видно, что буквы не вырезаны, а именно нарисованы — следов резца, характерных для работы по дереву, не видно. Это наблюдение стало одним из аргументов в пользу того, что перед нами не подлинная древняя дощечка, а современная подделка.

Кроме того, при сравнении фотографии с машинописными копиями Миролюбова обнаружилось разночтение, поставить которое в вину только плохому качеству снимка уже невозможно. Это породило дополнительные сомнения в добросовестности переписчика.

1.5. Роль А. А. Кура (Куренкова) в первой публикации

Если Миролюбов был тем, кто «нашел» и скопировал дощечки, то человеком, кто впервые вынес историю о них на публику, стал Александр Александрович Куренков, выступавший под псевдонимом А. Кур (или Ал. Кур).

Биография Куренкова не менее примечательна, чем биография Миролюбова. Выпускник Казанского военного училища, он также учился в Казанском университете (данных о завершении образования нет). В Гражданскую войну воевал на стороне белых, командовал 27-м Верхотурским Сибирским полком. После поражения белых армий жил в Маньчжурии, затем перебрался в США.

В 1940-х годах Куренков начал публиковать работы, которые современные исследователи характеризуют как сенсационные и недобросовестные. Он писал о том, что присутствовал при операции раненой девушки, которую идентифицировал как великую княжну Анастасию — чудом спасшуюся дочь Николая II. Он также утверждал, что изучал фотографии, запечатлевшие остатки Ноева ковчега на горе Арарат, и представлял читателям «шумерские записки о всемирном потопе», найденные в виде петроглифов. Никаких доказательств к этим публикациям не прилагалось.

В 1940-х годах Куренков окончил Колледж Божественной метафизики в Индианаполисе и получил диплом психолога — учебное заведение это не пользовалось авторитетом в академической среде. Тем не менее, в 1950-х годах он состоял в числе кураторов Музея русской культуры в Сан-Франциско и некоторое время заведовал его историческим отделом.

10 августа 1952 года А. Кур выступил в Русском Центре в Сан-Франциско с докладом «Русские письмена», в котором доказывал, что у славян была собственная письменность задолго до Кирилла и Мефодия. Тогда же на страницах журнала «Жар-птица», печатного органа Русского центра, он обратился к читателям с просьбой сообщить любые сведения о древних дощечках из библиотеки Изенбека.

В сентябре 1953 года на этот призыв откликнулся Юрий Миролюбов. Началась переписка, в ходе которой Миролюбов начал пересылать Куренкову тексты и свои переводы. Сергей Лесной (С. Я. Парамонов) позднее описывал это так: «В 1953 году слухи о существовании дощечек дошли до А. А. Кура (генерал Куренков), и он опубликовал в журнале „Жар-птица“ обращение к читателям... Ю. П. Миролюбов ответил... сообщив необходимые сведения, и охотно стал пересылать А. А. Куру тексты для переработки».

Исследователи, считающие «Влесову книгу» фальсификацией, видят в этом сотрудничестве не случайное совпадение, а часть продуманной мистификации. Они обращают внимание на репутацию Куренкова как охотника за сенсациями и его готовность публиковать материалы сомнительного происхождения без должной научной проверки.

1.6. Журнал «Жар-птица» (Сан-Франциско): хронология публикаций 1953—1959 годов

Журнал «Жар-птица» (The Firebird) выходил в Сан-Франциско на русском языке в 1950-х годах и был одним из заметных изданий русской эмиграции в США. Именно на его страницах впервые увидела свет «Влесова книга».

Хронология публикаций выглядит следующим образом:

1952 год, 10 августа — А. Кур выступает с докладом о докириллической славянской письменности и обращается к читателям с просьбой сообщить о судьбе дощечек Изенбека.

Сентябрь 1953 года — Миролюбов откликается на обращение и вступает в переписку с Куrom.

Ноябрь 1953 года — в журнале появляется первая заметка о существовании «дощечек» с ценнейшими историческими сведениями. Редакция сообщает, что в ее распоряжении имеются фотографии и что перевод уже сделан «ученым-этимологом А. Куrom».

Декабрь 1953 года — публикуются первые отрывки из переводов, но не сами тексты дощечек и не их фотографии.

Январь 1954 — 1955 год — выходят статьи А. Кура о дощечках, содержащие цитаты из записей Миролюбова. В январе 1955 года публикуется единственная фотография — дощечки №16.

Лето 1954 года — Миролюбов эмигрирует в США и становится редактором «Жар-птицы».

1956 год — статей о дощечках не публикуется; журнал печатает стихи и рассказы Миролюбова.

Март 1957 — май 1959 года — наиболее важный период. Журнал начинает систематическую публикацию текстов дощечек. Публикации продолжаются до закрытия журнала в 1959 году. За это время были напечатаны тексты нескольких десятков дощечек в том виде, в каком их подготовил Миролюбов.

Важной особенностью публикаций стало то, что тексты в «Жар-птице» не совпадали с теми машинописными копиями, которые Миролюбов присылал в редакцию. Исследователь Н. Ф. Скрипник, изучавший эти материалы, обнаружил систематические расхождения: в «Жар-птице» указывались лакуны и дефекты дощечек, которых не было в машинописи; в машинописи и журнале читались разные слова в одних и тех же контекстах; различалось написание букв.

Эти расхождения породили дополнительные вопросы: кто и зачем редактировал текст? Были ли у Кура собственные соображения о том, как должен выглядеть древний памятник? Или это свидетельство того, что текст создавался непосредственно в процессе публикации, постепенно обрастая деталями?

Параллельно с публикациями в «Жар-птице» тексты дощечек начали распространяться и другими путями. Сергей Лесной (Парамонов), биолог из Австралии, заинтересовавшийся находкой, получил от Миролюбова тексты некоторых дощечек, отсутствовавших в журнальных публикациях, и издал их отдельно. Ему же принадлежит первый перевод и развернутый комментарий.

В Советском Союзе о «Влесовой книге» узнали уже в 1960 году, когда в журнале «Вопросы языкознания» появилась статья Л. П. Жуковской с резкой критикой текста. Но полная публикация памятника в России стала возможной лишь в 1990 году, когда О. В. Творогов напечатал тексты дощечек по машинописи Миролюбова. С этого момента начинается новый этап в истории «Влесовой книги» — этап ее массового распространения на родине и превращения в сакральный текст русского неоязычества.

Однако эта история — уже предмет следующих глав.

Источники к главе 1

1. Изенбек, Фёдор Артурович. Материалы Википедии
2. Миролюбов, Юрий Петрович. Материалы Википедии
3. Велесова книга. Материалы Википедии
4. Фотобанк УНИАН: Выставка художника Али Изенбека
5. LiveLib: На страницах «Жар-птицы»
6. ВикиВоины: Фёдор Изенбек
7. Яндекс Книги: Автор Юрий Миролюбов
8. LiveLib: Велесова книга свидетельствует
9. Личный сайт Е. Евдокимова: О дощечках (письмо Ю. П. Миролюбова)

Глава 2. Первые исследователи и популяризаторы

Если Юрий Миролюбов был тем человеком, который впервые прикоснулся к тайне дощечек и вынес их тексты на свет, то подлинным открывателем «Влесовой книги» для широкой публики стал другой человек — энтомолог по профессии, историк по призванию, писавший под псевдонимом Сергей Лесной. Именно ему принадлежит заслуга первого систематического изложения истории находки, именно он дал памятнику имя, под которым тот вошел в историю, и именно он начал ту самую полемику, которая не утихает вот уже семь десятилетий.

История появления «Влесовой книги» в культурном пространстве русской эмиграции, а затем и всего мира, не была историей триумфального признания. Скорее, это была история упорного пробивания стены равнодушия и недоверия, история человека, который в одиночку, на другом конце света, с минимальными средствами, но с колоссальной энергией доказывал подлинность текста, в который уверовал сам. И этот человек заслуживает того, чтобы мы посмотрелись к нему внимательнее.

2.1. Сергей Лесной (С. Я. Парамонов): биография и научный багаж

Сергей Яковлевич Парамонов, вошедший в историю под псевдонимом Сергей Лесной, родился 4 ноября 1894 года в Харькове. Происхождение его, по некоторым данным, было связано с лесами — отец служил лесничим, что, возможно, позднее подсказало сыну выбор литературного псевдонима. Детство и юность прошли в Бессарабии, где в 1912 году он окончил среднюю школу в Аккермане.

В том же году Парамонов поступил на физико-математический факультет Киевского университета, избрав отделение естественных наук. Университет он окончил в 1917 году, получив диплом биолога-энтомолога — специалиста по насекомым, в частности по двукрылым (мухам и комарам). Эта специальность станет его основной профессией на всю жизнь и принесет ему ученые степени и мировое признание.

Путь Парамонова в науке был успешным и последовательным. Он работал в Зоологическом музее Академии наук Украины, где со временем занял должность директора. В 1940 году он защитил докторскую диссертацию и получил степень доктора биологических наук. К этому времени он уже был автором многочисленных научных трудов по систематике мух, особенно паразитических мух-жужжал (семейство Bombyliidae). Его монография «Сем. Bombyliidae (подсем. Bombyliinae)», вышедшая в 1940 году в престижной серии «Фауна СССР», стала классической работой в этой области.

Казалось бы, перед нами классическая карьера советского ученого — успешного, признанного, публикующегося. Но дальше судьба Парамонова делает крутой поворот, разделивший его жизнь на «до» и «после».

Когда в 1941 году началась Великая Отечественная война и Киев оказался под угрозой оккупации, многие сотрудники музея эвакуировались. Парамонов остался. Официальная версия, которую он сам впоследствии излагал, гласила: он не мог бросить уникальные коллекции музея, которые нужно было спасти от гибели. Он продолжал работать в музее и во время немецкой оккупации.

В 1943 году, вместе с отступающими немецкими войсками, Парамонов покинул Киев. С ним были вывезены и музейные коллекции — по его словам, для того, чтобы уберечь их от уничтожения. Дальнейший путь его был сложен: Польша, Германия... По собственному утверждению, он оказался в лагере Мюнден, откуда в 1945 году его освободили части Британской армии.

После войны судьба Парамонова сделала еще один неожиданный поворот. Благодаря содействию Бориса Петровича Уварова — известного энтомолога, выходца из России, работавшего в Британском музее естественной истории, — он получил возможность уехать в Австралию. С 1947 года и до самой смерти Сергей Яковлевич жил в Канберре, занимая должность правительственного энтомолога и преподавая биологию в Канберрском университете.

В Австралии он продолжил свои научные занятия, публикуя работы по систематике австралийских двукрылых. Всего за свою жизнь он написал более 50 научных трудов по энтомологии. Но главным делом его жизни, по крайней мере в глазах потомков, стали не исследования мух, а исторические изыскания, которым он посвящал все свободное время.

Под псевдонимом Сергей Лесной (иногда встречается написание «Леснов») он начал публиковать работы по истории Древней Руси, происхождению славян, «Слову о полку Игореве». С 1950 по 1960 год выходила его многотомная «История руссов в неизвращенном виде» (Париж; Мюнхен). Затем последовали «Пересмотр основ истории славян» (Мельбурн, 1956), «Русь, откуда ты?» (Виннипег, 1964) и другие работы.

Парамонов работал в невероятно трудных условиях: живя в Австралии, он писал по-русски, печатал свои книги на собственные скромные заработки, разыскивал источники по всему свету через библиотеки и переписку. Он не имел доступа к тем архивным фондам и библиотечным собраниям, которые были доступны профессиональным историкам в Европе или СССР. Тем не менее, его работоспособность и энтузиазм поражают.

Однако профессиональные историки, как в Советском Союзе, так и в эмиграции, отнеслись к трудам Лесного более чем скептически. В академической среде его считали дилетантом, вторгающимся в область, в которой он не обладал достаточной квалификацией. Особенно резкой критике подверглись его работы о «Слове о полку Игореве». В «Трудах Отдела древнерусской литературы» Пушкинского Дома о них писали как о «порочном, позорном явлении в истории изучения „Слова о полку Игореве“, в полном смысле темном месте в изучении великого памятника». Филологи отмечали, что Лесной плохо знает историю языка, допускает грубые ошибки в переводах, игнорирует достижения современных ему исследователей.

Этот скептицизм был вполне обоснован: Парамонов, будучи блестящим естествоиспытателем, привыкшим к точным методам исследования в биологии, переносил этот подход на гуманитарную сферу, где требуются иные компетенции. Он искренне полагал, что «математическое образование дало ему способность к великолепному анализу», и не понимал, почему филологи отвергают его построения. Как следствие, между ним и академической наукой с самого начала установились отношения взаимного непонимания и неприязни.

Именно в таком положении — ученый-естественник, страстно увлеченный историей, работающий в одиночку на краю света, отвергаемый официальной наукой и потому особенно остро чувствующий свою правоту, — Сергей Лесной и столкнулся с «дошечками Изенбека».

2.2. Полемика вокруг первых публикаций в эмигрантской среде

Первые публикации «Влесовой книги» не прошли незамеченными в среде русской эмиграции. Однако реакция на них была далеко не однозначной, и вокруг текста сразу же разгорелись споры.

Лесной, как главный апологет, оказался в центре этой полемики. Он вел активную переписку со многими эмигрантскими деятелями, учеными и публицистами, пытаясь привлечь их внимание к своей находке и убедить в ее подлинности. Однако успех его был ограниченным.

С одной стороны, у Лесного нашлись сторонники. Среди эмигрантов, особенно в среде тех, кто был настроен антисоветски и искал альтернативу официальной советской историографии, идея о древнейшей славянской летописи встречала сочувствие. Она питала национальную гордость, давала историческое обоснование самобытности и величию славянского мира. Вокруг Лесного постепенно начал формироваться круг людей, готовых если не разделять его убеждения полностью, то по крайней мере рассматривать «Влесову книгу» как серьезную научную загадку, требующую дальнейшего изучения.

Однако гораздо более значительной была реакция скептиков. Причем скептицизм исходил не столько от профессиональных историков (они в массе своей просто игнорировали публикации Лесного, считая их недостойными внимания), сколько от людей, которые, подобно самому Лесному, интересовались историей, но сохраняли критическое мышление.

В эмигрантской прессе стали появляться критические замечания. Оппоненты Лесного указывали на множество нестыковок и противоречий в его построениях. Они обращали внимание на то, что никто, кроме Миролюбова, самих дощечек не видел. Что фотография единственной дощечки вызывает сомнения. Что язык текста подозрительно напоминает смесь разных славянских языков. Что содержание слишком явно отвечает на споры, которые велись в эмигрантской среде (об опасностях ассимиляции, о необходимости сохранения национальной идентичности, о борьбе с норманнской теорией).

Сам Лесной болезненно реагировал на критику. В своих работах он неоднократно жаловался на то, что профессиональные историки игнорируют его труды, не желают вступать в дискуссию и «замалчивают» важные открытия. В десятом выпуске «Истории руссов в неизвращенном виде» (1960) он писал, что редакторы «Влесовой книги» Миролюбов и Кур упорно не допускают к текстам ученых, что публикация странно прервалась и «все попытки выяснения подробностей пресекаются». Он требовал передать тексты и фотокопии в Русский музей в Сан-Франциско, довести публикацию до конца, но его призывы остались без ответа.

Показательно, что Лесной весьма критически оценивал работу своего соратника по публикации — А. А. Кура (Куренкова). Работы Кура по изданию «Влесовой книги» в «Жар-птице» Лесной называл «совершенно дилетантскими». Это важное свидетельство: даже главный апологет памятника признавал низкий научный уровень первых публикаций и пытался дистанцироваться от наиболее сомнительных интерпретаций.

В 1963 году Лесной предпринял попытку вынести обсуждение «Влесовой книги» на международный уровень. Он подготовил тезисы доклада для V Международного съезда славистов

в Софии и разослал их участникам. Однако сам он на съезде не присутствовал (вероятно, из-за отсутствия средств и сложностей с поездкой из Австралии), и его доклад так и не был заслушан.

Тем временем важнейшее событие произошло в 1959 году. Лесной, стремясь получить авторитетную научную оценку, отправил фотографию одной из дощечек (точнее, фотографию с прориси, сделанной Миролюбовым) в Комитет славистов СССР. Фотография попала к академику Виктору Владимировичу Виноградову, крупнейшему филологу, который поручил провести экспертизу палеографу и языковеду Лидии Павловне Жуковской.

Заключение Жуковской было однозначным: представленный материал является подделкой. Вывод этот основывался на комплексном анализе. Во-первых, Жуковская установила, что фотография сделана не с дощечки, а с прориси (то есть с рисунка) и к тому же подвергнута ретуши — что уже исключало возможность научной экспертизы как палеографического памятника. Во-вторых, и это главное, анализ языка текста показал, что в нем соединены черты разных славянских языков и разных исторических эпох, что невозможно в подлинном древнем памятнике. «Если по палеографическим данным (хотя они и вызывают сомнение) нельзя прямо судить о подделке, то данные языка свидетельствуют, что „рассмотренный материал не является подлинным“», — таков был вердикт.

Лесной был возмущен. В ответ на заключение Жуковской он писал, что «соображения эксперта не имеют основания, поскольку „он этого языка не знает“». Он не мог (или не хотел) понять, что критика основана не на непонимании, а как раз на глубоком понимании закономерностей развития славянских языков. Как позднее объяснял филолог О. В. Творогов, вывод Жуковской базировался не на отдельных «странных» формах, а на том, что в тексте сочетаются разновременные языковые факты, которые не могли сосуществовать в каком-либо реальном славянском языке.

Это был первый, но далеко не последний случай, когда аргументы профессиональных лингвистов разбивались о глухую стену недоверия со стороны энтузиастов. Лесной и его последователи восприняли заключение Жуковской не как научный аргумент, а как проявление идеологической предвзятости советской науки. В их глазах советские ученые просто выполняли заказ партии, стремясь скрыть правду о великом прошлом славян, которая не укладывалась в официальную историческую доктрину. Так начала формироваться конспирологическая версия, которая станет неотъемлемой частью мифа о «Влесовой книге».

2.3. Формирование круга сторонников подлинности

Несмотря на скептицизм профессиональных историков и филологов, вокруг «Влесовой книги» постепенно складывался круг людей, готовых принять ее подлинность. Сергей Лесной сыграл в этом процессе ключевую роль — именно его книги стали тем каналом, через который информация о загадочных дощечках проникала в более широкие круги читателей.

Первоначально этот круг ограничивался эмигрантской средой. Люди, покинувшие Россию после революции и Гражданской войны, острее других чувствовали потребность в связи с утраченной родиной. Многие из них с болью воспринимали то, что они считали пренебрежением к русской истории и культуре со стороны Запада. В этом контексте «Влесова книга» с ее пафосом древности и самобытности славянства попадала на благодатную почву.

После смерти Сталина и особенно в 1960-1970-е годы сведения о «Влесовой книге» начинают проникать и в Советский Союз. Это происходит по нескольким каналам: через эмигрантские издания, которые попадали в спецхраны крупных библиотек и становились доступны ограниченному кругу специалистов; через «самиздат» — перепечатанные на машинке тексты ходили по рукам; через упоминания в советской прессе.

Одним из таких упоминаний, сыгравших важную роль в популяризации «Влесовой книги» в СССР, стала статья В. Скурлатова и Н. Николаева, опубликованная в 1976 году в еженедельнике «Неделя» (приложении к «Известиям») под названием «Таинственная летопись». Статья эта, написанная в осторожных, вопросительных тонах, тем не менее явно склонялась к признанию подлинности памятника. Авторы писали, что «следствие» о «Влесовой книге» еще не закончено и окончательный приговор не вынесен, но по сути они воспроизводили аргументацию Лесного и его единомышленников.

Вот как описывали эту публикацию советские историки В. И. Буганов, Л. П. Жуковская и Б. А. Рыбаков в своей ответной статье «Мнимая „древнейшая летопись“», вышедшей в журнале «Вопросы истории» в 1977 году: «Содержание же статьи показывает, что В. Скурлатов и Н. Николаев склонны считать „таинственную летопись“, написанную на „дощечках“, источником достоверным, подлинным. Поскольку содержание ее „необычно“, „не укладывается в рамки существующих представлений о древности славянской письменности“, постольку, многозначительно замечается во вводных словах к статье, „недоверие было первой реакцией некоторых ученых“».

Статья Скурлатова и Николаева произвела эффект разорвавшейся бомбы. Тысячи читателей впервые узнали о существовании загадочной летописи, которая, если верить авторам, могла перевернуть все представления о древней истории славян. Начался поток писем в редакцию, запросов в библиотеки, поисков дополнительной информации.

Советские историки были встревожены. Публикация в массовом еженедельнике означала, что идеи, которые они считали давно и убедительно опровергнутыми, выходят за пределы узкого круга специалистов и начинают овладевать умами широкой публики. Ответная статья Буганова, Жуковской и Рыбакова была попыткой вернуть дискуссию в научное русло и остановить распространение, как они считали, опасных заблуждений.

Но было уже поздно. Машина была запущена. В 1970-е и особенно в 1980-е годы интерес к «Влесовой книге» в СССР только рос. Она стала частью того мощного движения «национального возрождения», которое зарождалось в недрах позднесоветского общества и которое вскоре, после распада СССР, выплеснется наружу.

Сергей Лесной до триумфа своего детища не дожил. Он скончался 22 сентября 1967 года в Канберре в возрасте 72 лет. Он умер в уверенности, что открыл миру величайший памятник славянской культуры, и в горечи от того, что мир этого открытия не принял. На его могиле, если она и сохранилась, нет памятника от благодарных потомков. Но дело его жило.

Труды Лесного, изданные микроскопическими тиражами на другом конце света, разошлись по всему миру. Они попали в библиотеки, в архивы, в руки энтузиастов. И когда в 1990 году в России впервые была опубликована «Влесова книга» (в научном издании О. В. Творогова, а затем в миллионных тиражах А. И. Асова), фундамент для ее восприятия был уже заложен. Сергей Лесной, скромный энтомолог из Австралии, стал крестным отцом текста, кото-

рому суждено было обрести вторую, гораздо более яркую и противоречивую жизнь на родине, которую он покинул навсегда.

К моменту публикации книги Асова в 1990-е годы сложился уже достаточно широкий круг людей, готовых принять «Влесову книгу» как подлинную. В него входили:

— Прямые последователи Лесного — те, кто читал его книги и разделял его убеждения.

— Читатели «самиздата» — люди, познакомившиеся с текстом еще в советское время через нелегальные копии.

— Представители зарождающегося неоязыческого движения — для них «Влесова книга» стала долгожданным священным текстом, который они могли противопоставить христианской Библии.

— Люди, просто интересующиеся альтернативной историей — те, кто разочаровался в официальной науке и искал «тайное знание» о прошлом.

— Националистически настроенные читатели — увидевшие в книге подтверждение величия и древности славянского народа.

Эти группы были очень разными по составу, образованию, мотивации. Но их объединяло одно: готовность принять «Влесову книгу» как подлинную, несмотря на все аргументы ученых. Сергей Лесной, сам того не желая и не предвидя, стал не просто исследователем древнего текста, но и одним из основателей нового религиозно-мифологического движения, которому предстояло развернуться в постсоветской России.

Источники к главе 2

1. Лесной, Сергей. Материалы Википедии
2. proza.ru: Смысловая война (цитаты из работ С. Лесного)
3. Велесова книга: различия между версиями (Википедия)
4. Что думают ученые о «Велесовой книге» (сборник, фрагменты)
5. Большая российская энциклопедия: «Велесова книга»
6. Фундаментальная электронная библиотека: Парамонов С. Я.
7. Электронная библиотека «Куб»: Лесной Сергей
8. Буганов В. И., Жуковская Л. П., Рыбаков Б. А. Мнимая «древнейшая летопись»
9. LiveLib: Сергей Лесной — о писателе

Глава 3. Проникновение в Советский Союз и первые отклики

Пока в эмигрантских кругах шли споры о подлинности «Влесовой книги», а Сергей Лесной в одиночку пытался привлечь к ней внимание западных ученых, в Советском Союзе о существовании загадочных дощечек практически ничего не знали. Железный занавес надежно отделял страну не только от политической, но и от интеллектуальной жизни эмиграции. Журнал «Жар-птица», выходивший в Сан-Франциско микроскопическими тиражами, был недоступен советским читателям; книги Лесного, издававшиеся в Виннипеге и Париже, оседали в спецхранах крупнейших библиотек и выдавались лишь по особым разрешениям узкому кругу проверенных специалистов.

И все же информация просачивалась. История проникновения «Влесовой книги» в Советский Союз — это история о том, как маргинальная гипотеза, рожденная в среде русской эмиграции, постепенно обретала плоть и кровь на родине, как первые робкие сигналы тревоги, поданные академической наукой, тонули в нарастающем гуле общественного интереса, и как в конечном счете текст, признанный специалистами грубой подделкой, начал свое победное шествие по умам миллионов.

3.1. Информация о «сенсации» в советской научной среде

Первые сведения о существовании «Влесовой книги» проникли в Советский Союз еще в конце 1950-х годов, но тогда они стали достоянием лишь узкого круга специалистов. Эмигрантские издания, в которых публиковались материалы о дощечках, поступали в библиотеки Академии наук, где их изучали единицы — преимущественно те, кто профессионально занимался историей русского зарубежья или древнеславянской письменностью.

Реакция этих немногих специалистов была, мягко говоря, сдержанной. Слишком многое в истории находки вызывало вопросы: отсутствие самих дощечек, непрофессионализм публикаторов, фантастичность содержания. Однако до поры до времени все это оставалось внутренним делом академической среды — никаких публичных дискуссий не возникало, статьи в научных журналах не появлялись.

Ситуация изменилась в начале 1960-х годов, когда Сергей Лесной предпринял решительную попытку пробить стену молчания и вынести «Влесову книгу» на суд советской академической науки. Этот шаг имел далеко идущие последствия, хотя и совсем не те, на которые рассчитывал энтузиаст из Австралии.

В 1960 году Лесной направил в Комитет славистов АН СССР фотографию одной из дощечек — той самой, которая впоследствии получила условный номер 16. Это был, по-видимому, единственный имевшийся в его распоряжении фотоснимок, да и тот, как вскоре выяснилось, представлял собой не фотографию подлинной дощечки, а снимок с прориси — то есть с рисунка, выполненного Миролюбовым. Вместе с фотографией Лесной прислал и свои комментарии, в которых излагал историю находки и обосновывал ее подлинность.

Материалы попали к академику Виктору Владимировичу Виноградову — крупнейшему советскому филологу, председателю Комитета славистов, человеку, чье имя было синонимом высочайшего научного авторитета. Виноградов отнесся к обращению со всей серьезностью: он

поручил провести тщательную экспертизу снимка двум специалистам — палеографу и языковеду Лидии Павловне Жуковской.

3.2. Обращение С. Лесного в Комитет славистов АН СССР

Лидия Павловна Жуковская (1920—1994) была одним из ведущих советских специалистов по древнеславянской письменности, автором фундаментальных трудов по палеографии и лингвистическому источниковедению. Ее экспертиза, выполненная в апреле 1959 года (само обращение Лесного датируется 1960 годом, но, судя по документам, работа над заключением велась и ранее), стала первым профессиональным анализом текста «Влесовой книги» и во многом определила отношение к нему академической науки на десятилетия вперед.

Условия, в которых работала Жуковская, были далеки от идеальных. В ее распоряжении имелась лишь одна фотография, на которой читалось всего около десяти строк текста. Никаких дополнительных материалов — ни описаний дощечек, ни сведений об обстоятельствах их находки, ни тем более самих оригиналов — у эксперта не было. Тем не менее, даже этот скудный материал позволил сделать принципиально важные выводы.

Первое, что бросилось в глаза Жуковской, — характер самой фотографии. Снимок был сделан, по всей видимости, не непосредственно с дощечки, а с прориси, то есть с рисунка, который Миролюбов сделал с оригинала. Более того, изображение подверглось ретуши: линии букв были подведены, контрастность усилена, некоторые детали, вероятно, дорисованы. Это уже само по себе исключало возможность научной палеографической экспертизы: работать можно было не с подлинным памятником и даже не с его точной фотографией, а с изображением, прошедшим через руки переписчика и ретушера.

Но главные открытия ждали впереди. Анализируя язык тех десяти строк, которые можно было разобрать на снимке, Жуковская обнаружила нечто поразительное: в тексте сочетались такие языковые черты, которые не могли сосуществовать ни в одном реальном славянском языке — по крайней мере, в языке восточнославянской группы, на отражение которого претендовала «Влесова книга».

Что именно увидела Жуковская? Она заметила, что в тексте смешаны разновременные и разно диалектные явления. Формы, характерные для древнейших славянских памятников, соседствовали с формами, возникшими много веков спустя. Черты, свойственные одним славянским языкам (например, польскому или сербскому), переплетались с чертами, присущими другим. Это был не живой язык, развивавшийся по своим внутренним законам, а искусственный конструкт — палимпсест, собранный из разрозненных элементов.

Вывод Жуковской был краток и недвусмыслен: «Рассмотренный материал не является подлинным». Иными словами, перед нами — подделка.

Когда это заключение стало известно Лесному, его реакция была одновременно предсказуемой и симптоматичной. Он не стал вникать в существо лингвистических аргументов, не попытался оспорить конкретные наблюдения Жуковской. Вместо этого он заявил, что «соображения эксперта не имеют основания, поскольку „он этого языка не знает“». Лесной, будучи биологом и историком-любителем, искренне полагал, что его собственное «чутье» и многолетнее погружение в текст дают ему право судить о языке «Влесовой книги» с не меньшей компетентностью, чем профессиональному лингвисту.

Этот эпизод оказался глубоко символичным. В нем впервые проявился тот разрыв между академической наукой и энтузиастами-любителями, который впоследствии станет характерной чертой всей истории «Влесовой книги». Лесной и его последователи восприняли заключение Жуковской не как научный аргумент, подлежащий рациональному обсуждению, а как проявление предвзятости, идеологического заказа, «заговора» официальной науки против подлинной истории славян. Так начала формироваться конспирологическая версия, которая в дальнейшем обретет множество сторонников.

3.3. Реакция академического сообщества: первые сигналы тревоги

После экспертизы Жуковской и ее публикации в научной печати (статья вышла в 1960 году в журнале «Вопросы языкознания») «Влесова книга» на долгие годы исчезла из поля зрения советских ученых. Казалось, вопрос закрыт: подделка идентифицирована и разоблачена, ажиотаж вокруг нее должен улечься сам собой. Однако жизнь распорядилась иначе.

В 1970 году о «Влесовой книге» вспомнил поэт И. Кобзев. Впрочем, как отмечают исследователи, сведения его были крайне скудны и путаны: он полагал, например, что дощечки были обнаружены в Австралии. Публикация Кобзева не вызвала широкого резонанса, но она обозначила важный сдвиг: тема начала перетекать из узконаучной сферы в сферу общественного интереса, становилась достоянием не только специалистов, но и широкой читающей публики.

Настоящий взрыв интереса произошел в 1976 году. В мае этого года еженедельник «Неделя» (популярное приложение к газете «Известия», выходившее миллионными тиражами) опубликовал статью В. Скурлатова и Н. Николаева под интригующим названием «Таинственная летопись».

Статья была выдержана в осторожных, вопросительных тонах, но общая ее направленность сомнений не вызвала. Авторы явно склонялись к мысли, что «Влесова книга» — подлинный памятник, открывающий совершенно новые страницы в истории славян. Редакционное предисловие к статье гласило: «Содержание ее (Влесовой книги) столь необычно, что не укладывается в рамки существующих представлений о древности славянской письменности. И, может быть, поэтому недоверие было первой реакцией некоторых ученых».

Обратим внимание на эту формулировку: «первой реакцией». Она имплицитно предполагает, что за первой реакцией (недоверием) могла последовать и вторая, более благожелательная. И далее: речь идет о реакции «некоторых ученых» — значит, есть и другие ученые, которые отнеслись к книге иначе, с доверием? Так в первой же массовой публикации о «Влесовой книге» был заложен тезис о расколе в научном сообществе, о существовании двух равноправных точек зрения на подлинность памятника. Тезис этот, как убедительно показывают исследователи, не имел под собой никаких оснований: абсолютное большинство специалистов, знакомых с текстом, считали и считают его подделкой. Но для широкого читателя, не посвященного в тонкости академических дискуссий, намек редакции звучал убедительно.

Содержание статьи Скурлатова и Николаева представляло собой пересказ основных сюжетов «Влесовой книги» — о праотцах Богумире и Оре, о переселениях славян из Азии в Подунавье, о битвах с готами и гуннами, о трех гибелях и трех возрождениях Руси. Авторы не просто пересказывали — они явно сочувствовали тексту, подчеркивали его «необычность»

и «оригинальность». Особенно показательным был пассаж о происхождении славян: «Оригинальна версия о степном центральноазиатском происхождении наших предков. В трудах недавно умершего Г. В. Вернадского и других историков-„евразийцев“ допускается эта возможность».

Для читателя, не знакомого с историографией, эта ссылка выглядела как солидное научное обоснование. На самом деле, как объясняли впоследствии специалисты, школа «евразийцев» (с ее откровенно антисоветской политической платформой) к тому времени уже давно не имела последователей даже в западной науке, а упоминание Вернадского в данном контексте было чистой воды спекуляцией.

В том же 1976 году в «Неделе» появилась еще одна подборка материалов о «Влесовой книге», включавшая выступление писателя В. Старостина. Старостин внес в дискуссию новый, эмоциональный, нюанс: «...для меня и в маленьких отрывках, но большой смысл открылся. Одни имена уже неподдельны и неподражаемы: Богумир, Славуна, а вместо Рюрика — Ерек; дивно прекрасен оборот „прибежищная сила“ — все это мог создать только народ. А найдись бы творец да сотвори все это пусть и в недавние времена единственно из сердца своего — значит, такой человек безмерно даровит. И в том и в другом случае „Влесова книга“ бесценный дар, и недопустимо замалчиванием отстранять от нее читателей и писателей».

Здесь мы видим принципиально новую аргументацию. Старостину, по сути, все равно, подлинна книга или нет. Если подлинна — слава народу, ее создавшему. Если поддельна — слава гениальному мистификатору. В любом случае это «бесценный дар», который нельзя замалчивать. Такая позиция открывала путь к легитимации «Влесовой книги» независимо от ее научного статуса — путь, по которому вскоре пойдут многие.

Публикации в «Неделе» произвели эффект разорвавшейся бомбы. Тысячи читателей впервые узнали о существовании загадочной летописи, которая, если верить авторам, могла перевернуть все представления о древней истории славян. В редакцию хлынул поток писем, в библиотеках спрашивали «Влесову книгу», энтузиасты начинали собственные изыскания.

Академическое сообщество было встревожено. Статья в массовом еженедельнике означала, что идеи, которые специалисты считали давно и убедительно опровергнутыми, выходят за пределы узкого круга и начинают овладевать умами широкой публики. Нужно было срочно давать ответ.

В 1977 году в журнале «Вопросы истории» (одном из самых авторитетных советских исторических изданий) появилась статья, подписанная тремя авторами: академиком Борисом Александровичем Рыбаковым, доктором исторических наук Виктором Ивановичем Бугановым и доктором филологических наук Лидией Павловной Жуковской. Статья называлась «Мнимая „древнейшая летопись“».

Авторы начинали с констатации: публикации последнего времени, вводящие в оборот так называемую «Влесову книгу», вводят читателей в заблуждение. Никакой «древнейшей летописи» не существует; есть текст, который при внимательном анализе обнаруживает все признаки подделки.

Далее следовало изложение истории вопроса — от находки Изенбека до публикаций в «Жар-птице» и работ Лесного. Авторы подчеркивали, что все лица, причастные к истории

«дощечек», были в науке людьми случайными, дилетантами, не имевшими необходимой квалификации. О Лесном говорилось жестко: «Дилетантизм С. Лесного в гуманитарных науках, псевдонаучность и крайне низкий уровень его трудов в этой области давно отмечены советскими учеными».

Основная тяжесть аргументации ложилась на лингвистический анализ, выполненный Жуковской еще в 1959 году. Авторы повторяли главный вывод: в тексте сочетаются разновременные и разно диалектные языковые явления, что невозможно ни в одном реальном славянском языке. Следовательно, текст является искусственным конструктом, подделкой.

Особое внимание уделялось разбору исторической концепции «Влесовой книги». Авторы указывали на наивность рассказа о славянских праотцах, от имен которых будто бы пошли названия племен. Эта картина, подчеркивали они, самым решительным образом противоречит всей сумме знаний, добытых археологами, лингвистами, этнографами и историками о происхождении и ранней истории славян.

Статья заканчивалась призывом к читателям не поддаваться на сомнительные сенсации и доверять строгой науке, а не фантазиям дилетантов.

Однако возымела ли эта публикация желаемый эффект? Отчасти да: в научной среде позиция была подтверждена и укреплена. Но для широкой публики, уже зараженной вирусом интереса к «таинственной летописи», статья академиков, скорее всего, прошла незамеченной или была воспринята как очередное проявление «консерватизма» официальной науки. Механизмы массовой культуры уже были запущены, и остановить их не могли никакие академические опровержения.

Более того, сама тональность статьи — резкая, безапелляционная, с элементами идеологического осуждения (упоминание о том, что Парамонов «бежал вместе с фашистскими оккупантами») — играла на руку сторонникам «Влесовой книги». Она укрепляла их в мысли, что против подлинной истории славян ведется целенаправленная кампания, что ученые не стремятся к объективности, а выполняют политический заказ.

Так, в середине 1970-х годов сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, академическая наука вынесла «Влесовой книге» окончательный и, казалось бы, не подлежащий обжалованию приговор. С другой стороны, именно в это время начинается лавинообразный рост интереса к тексту, формируется круг его сторонников, закладываются основы для его будущей сакрализации. Противостояние науки и мифа вступило в решающую фазу.

Показательно, что сам Сергей Лесной, главный двигатель «Влесовой книги» в эмиграции, до этого момента не дожил. Он скончался в 1967 году, за девять лет до публикации в «Неделе», за десять — до ответной статьи академиков. Он умер в уверенности, что открыл миру величайший памятник славянской культуры, и в горечи от того, что мир этого открытия не принял. Он не мог знать, что его дело обретет вторую жизнь на родине, которую он покинул навсегда, и что эта жизнь будет столь яркой и столь противоречивой.

История проникновения «Влесовой книги» в Советский Союз — это история о том, как научная проблема превращается в общественную, как строгие аргументы лингвистов и историков тонут в море эмоций и идеологических предпочтений, и как текст, не имеющий к древности никакого отношения, начинает жить собственной жизнью, становясь фактором не столько

науки, сколько общественного сознания. К концу 1970-х годов этот процесс был уже необратим.

Источники к главе 3

1. Творогов О. В. «Влесова книга» в советской печати // Что думают ученые о «Велесовой книге»: Сборник статей / Сост. А. А. Алексеев. — СПб.: Наука, 2004
2. Буганов В. И., Жуковская Л. П., Рыбаков Б. А. Мнимая «древнейшая летопись» // Вопросы истории. — 1977. — №6
3. Данилевский И. Н. Попытки «улучшить» прошлое: «Влесова книга» и псевдоистории // Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX—XII вв.). — М.: Аспект-Пресс, 1998
4. Что думают ученые о «Велесовой книге»: Сборник статей / Сост. А. А. Алексеев. — СПб.: Наука, 2004

Глава 4. Александр Асов и «канонизация» текста

Если Сергей Лесной был тем, кто открыл «Влесову книгу» для узкого круга эмигрантских энтузиастов, а советские академики — теми, кто вынес ей суровый приговор, то Александр Асов стал человеком, подарившим этот текст миллионам. Именно благодаря ему «Влесова книга» из маргинальной гипотезы, обсуждаемой лишь в специализированных изданиях и самиздате, превратилась в феномен массовой культуры, в краеугольный камень мировоззрения тысяч людей и — что, возможно, самое важное — в сакральный текст зарождающегося русского неоязычества.

История Асова — это история о том, как на руинах советской идеологии, в вакууме веры и национальной идентичности, появился человек, предложивший целостную, стройную и невероятно привлекательную картину славянского прошлого. Картину, где нашлось место и древним богам, и мудрым волхвам, и великим предкам, и тайному знанию, веками скрываемому от народа. И эту картину приняли — приняли с благодарностью, с восторгом, с верой.

4.1. Личность и мировоззрение А. И. Асова

Александр Игоревич Асов (фамилия при рождении — Барашков) родился 29 июня 1964 года в поселке Сокольское Ивановской области (ныне — в Нижегородской области) в семье учителей. Детство его прошло в старинном городе Гороховце Владимирской области, где он окончил среднюю школу и, по некоторым сведениям, был директором краеведческого музея. Уже в ранние годы проявился интерес к истории и древностям — интерес, которому суждено было стать делом всей жизни.

Однако путь Асова к историческим штудиям не был прямым. В 1987 году он окончил физический факультет Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова по кафедре физики моря и вод суши. Затем, с 1989 по 1992 год, учился в аспирантуре при Институте водных проблем АН СССР. Перед нами — классическая карьера советского научного работника, физика-естественника, далекого, казалось бы, от гуманитарных изысканий.

Но в этой биографии есть важный нюанс, перекликающийся с судьбой Сергея Лесного. Как и Лесной, как и многие другие энтузиасты «Влесовой книги», Асов пришел в историю из точных наук. И как у Лесного, у него сформировалась уверенность, что математический склад ума, привычка к систематизации и анализу данных вполне достаточны для того, чтобы судить о древних текстах и языках, — уверенность, которую профессиональные филологи и историки считают глубоким заблуждением.

Переломный момент в жизни Асова наступил на рубеже 1980-х и 1990-х годов. В 1991—1998 годах он стал литературным сотрудником, а впоследствии и редактором отдела истории славянства в журнале «Наука и религия». Этот журнал, в советское время специализировавшийся на научно-атеистической пропаганде, в годы перестройки и после распада СССР резко сменил направление, открыв свои страницы для самых разных эзотерических, мистических и альтернативно-исторических концепций. Именно здесь, в «Науке и религии», Асов нашел свою трибуну.

В 1992 году, тогда еще под фамилией Барашков, он опубликовал в журнале свою первую крупную работу — «Русские Веды». Книга, вышедшая специальным выпуском тиражом 50

000 экземпляров, включала два главных текста: «Песни птицы Гамаюн» и «Велесову книгу». С этого момента и началась новая эра в истории загадочного памятника.

Интересно, что в том же 1992 году Асов, по собственному утверждению, сыграл роль волхва Буса Кресеня в фильме об узелковом письме «Внуки Дажьбога», снятом режиссером А. Д. Сарандуком на киностудии «Центрнаучфильм». После этого за ним закрепилось «именование» Бус Кресень, под которым он также выступал как автор и переводчик. Само это именование — отсылка к одному из центральных персонажей асовской мифологии, легендарному князю Бусу Белояру, якобы жившему в IV веке и распятому готами (явная параллель с распятием Христа, что сам Асов подчеркивает).

В том же 1992 году Асов сменил фамилию с Барашкова на Асов. Псевдоним был взят в честь «асских» — так, по его версии, именовали себя древние славяне-арии. Этот шаг глубоко символичен: человек не просто пишет о древней истории, он символически соединяет себя с ней, принимает имя предков, становится частью той реальности, которую описывает.

В последующие годы Асов упрочил свой статус. Он стал членом Союза журналистов Москвы (1995), членом Союза писателей России (1998). Его книги выходили огромными тиражами в ведущих издательствах — «Наука и религия», «Менеджер», «ФАИР-ПРЕСС», «Вече». К 2007 году, по некоторым подсчетам, насчитывалось более десяти различных редакций его перевода «Велесовой книги».

Мировоззрение Асова заслуживает отдельного анализа. Это целостная, тщательно продуманная и последовательно проводимая система взглядов, которую можно охарактеризовать как славянское неоязычество, обогащенное элементами «арийского мифа» и теософии.

Ключевые положения этой системы таковы:

1. *Древность и величие славян*. История славянского народа насчитывает не одно тысячелетие. «Велесова книга» в интерпретации Асова является «кладезем памяти, охватывающим события последних 20 тысяч лет, происходившие на пространствах между Китаем и Северной Африкой». Славяне — один из древнейших народов земли, наследники великой працивилизации.

2. *Арийская идентичность*. Асов последовательно отождествляет славян с «белой расой» и с «ариями» («арийцами»). По его версии, в глубокой древности арии вышли с Севера (из Гипербореи, которую он также связывает со славянами) и заселили огромные территории, создав великие культуры и цивилизации. «Все древнейшие культуры и цивилизации, согласно Асову, являются творением „славян-ариев“».

3. *Концепция «Русколани»*. Асов разработал развернутую историю «Русколани» — древней славянской державы, существовавшей, по его версии, в Причерноморье и на Северном Кавказе в первые века нашей эры. Центральной фигурой этой истории является князь Бус Белояр, распятый готами в 368 году. Этой теме посвящены отдельные книги Асова, например, «Русколани: Древняя Русь».

4. *Подлинность «Велесовой книги»*. Асов не просто признает подлинность «Велесовой книги» — он строит на ней всю свою историческую и религиозную концепцию. Для него это не подделка и не мистификация, а подлинная летопись, составленная новгородскими волхвами

в IX веке и отражающая события глубочайшей древности. При этом, как отмечают исследователи, для Асова «лингвистические или исторические аргументы в оценке подлинности „Велесовой книги“ второстепенны, „главное же подтверждение подлинности... исходит из личного духовного опыта. О подлинности говорит сам дух „Велесовой книги“. Ее мистериальная тайна, великая магия слова“».

5. *Реконструкция славянского пантеона.* На основе «Велесовой книги» и других источников (включая откровенно фальсифицированные тексты Сулакадзева) Асов создает развернутую картину славянской мифологии. В его книгах появляются боги, неизвестные другим источникам: Крышень, Вышень, Числобог и многие другие. Он подробно описывает их функции, атрибуты, генеалогию.

6. *Приоритет духовного опыта над научным знанием.* Это, пожалуй, самый важный пункт. Асов последовательно проводит мысль, что подлинность древних текстов познается не через скучный анализ языковых форм и исторических реалий, а через непосредственное духовное переживание, через «магию слова». Эта установка делает его концепцию практически неуязвимой для научной критики: любые аргументы лингвистов и историков объявляются несущественными по сравнению с «духом» текста.

Таким образом, Асов предстает перед нами не просто как публикатор и переводчик, а как создатель целостного мифа — мифа, который оказался удивительно созвучен духовным исканиям постсоветского человека.

4.2. Первые издания в постсоветской России (1990-е годы)

Начало 1990-х годов было временем уникальным. Советский Союз рухнул, прежняя идеология рассыпалась в прах, привычные жизненные ориентиры исчезли. Люди оказались в состоянии мучительного поиска новых смыслов, новой идентичности, новой веры. В этот вакуум хлынул мощный поток самого разного содержания: западная массовая культура, оккультизм, эзотерика, «альтернативная история».

Именно в этот момент и появились книги Асова.

Первым и, пожалуй, самым важным изданием стал специальный выпуск журнала «Наука и религия» за 1992 год под названием «Русские Веды». Книга вышла тиражом 50 000 экземпляров — по тем временам огромным, но явно недостаточным, потому что спрос намного превышал предложение.

Содержание «Русских Вед» было тщательно продумано. Книга открывалась «Песнями птицы Гамаюн» — поэтическим переложением славянских мифов о сотворении мира, выполненным самим Асовым. Затем следовала «Велесова книга» в его переводе и компоновке. Завершалось издание обширными комментариями, словарем и приложениями.

Важно отметить, что «Песни птицы Гамаюн» были представлены не как авторское сочинение, а как «реконструкция» древнего текста, записанного в «узелковом письме». На самом деле, как отмечают исследователи, это «своеобразная авторская стилизация, в основу которой положена псевдореконструкция гипотетического „узелкового письма“ древних славян, отождествляемого составителями сборника с легендарными „чертами и резами“». Но для массового читателя эта тонкость была незаметна: он получал целостную, стройную и красивую книгу,

которая давала ответы на самые сокровенные вопросы — кто мы, откуда, во что верили наши предки.

Успех был ошеломительный. За первым изданием последовали новые. В 1994 году в издательстве «Менеджер» вышла «Велесова книга» объемом 318 страниц, где, как утверждал автор, «объем книги по сравнению с изданием 1992 г. увеличен вдвое на основе новых архивных материалов».

В 1996 году Асов публикует «Звездную Книгу Коляды», продолжая реконструкцию славянской мифологии. В 1997 году в журнале «Наука и религия» выходит «Книга Велеса» с новой композицией глав.

В 1998 году появляются «Мифы и легенды древних славян» из серии «Златая цепь». Затем следуют «Атланты, арии, славяне: История и вера» (1999), «Славянские руны и „Боянов гимн“» (2000), «Тайны „Книги Велеса“» (2001) и многие другие.

Каждая новая книга расширяла и дополняла создаваемую Асовым картину мира. Читатель погружался в огромный, детально проработанный мир славянской древности, где были свои боги и герои, свои священные тексты, свои великие империи (Русколань), свои трагические страницы (распятие Буса Белояра) и свои надежды на возрождение.

К концу 1990-х годов Асов стал, без преувеличения, самым известным и читаемым автором по славянской мифологии в России. Его книги продавались миллионными тиражами, стояли на полках в каждом книжном магазине, передавались из рук в руки. Они оказали колоссальное влияние на массовое сознание, сформировав у целого поколения читателей представления о древней истории и вере славян.

4.3. Эволюция переводов: от «Влесовой» к «Велесовой» книге

Одним из важнейших нововведений Асова стало изменение самого названия памятника. Сергей Лесной, исходя из многократных упоминаний в тексте бога Велеса (в его транскрипции — Влеса), предложил именовать его «Влесовой книгой». Это название и закрепилось в историографии.

Асов пошел дальше. В своих изданиях он последовательно использовал полногласную форму — «Велесова книга». Это изменение не было случайным или незначительным. «Велесова» звучало более благозвучно, более «по-славянски», более привычно для русского уха. Это была своего рода «русификация» названия, приближение его к массовому восприятию.

Но дело было не только в названии. Асов провел масштабную работу по «улучшению» и «приближению» самого текста к праславянским и ранневосточнославянским реалиям. Что конкретно он делал?

1. *Вводил полногласие.* Там, где в оригинале (в копиях Миролюбова) были формы типа «власы», Асов писал «волосы»; вместо «врата» — «ворота» и т. д. Это делало текст более узнаваемым для современного читателя.

2. *Устранял некоторые фонетические полонизмы и поздние украинизмы.* Язык «Влесовой книги» в версии Миролюбова содержал множество черт, характерных для польского и

украинского языков, что было одним из главных аргументов скептиков. Асов последовательно «исправлял» эти черты, приближая язык к тому, что читатель ожидал бы от древнерусского текста.

3. *Вводил юсы (древние носовые гласные) вместо сочетаний типа «ен».* Это придавало тексту более архаичный, «древний» вид. Правда, как с иронией отмечали филологи, в издании 1995 года некомпетентно введённые Асовым в текст «юс большой» и «юс малый» отличались только размерами (в соответствии с названием букв), что выдавало полное непонимание автором фонетической природы этих знаков.

4. *Обсуждал сходство некоторых особенностей текста с языком берестяных грамот.* Это должно было создать у читателя впечатление научной обоснованности, связать «Влесову книгу» с подлинными древнерусскими памятниками.

Таким образом, Асов создал не столько перевод, сколько новую редакцию текста — отредактированную, «причесанную», адаптированную для массового читателя. К 2007 году насчитывалось более десяти различных редакций его перевода. Каждое новое издание чем-то отличалось от предыдущего — Асов продолжал «совершенствовать» текст, вносить уточнения, дополнять комментарии.

Для профессиональных филологов такая практика была неприемлема. Как отмечал О. В. Творогов, один из ведущих исследователей «Влесовой книги», переводы Асова отличаются произволом, неоговоренными изменениями текста, некомпетентностью в славянской грамматике. Но для миллионов читателей эти тонкости были неважны. Они получали текст, который можно было читать, понимать и — главное — любить.

4.4. Формирование «канонического» корпуса текстов

Работа Асова не ограничилась «Влесовой книгой». Он создал целую библиотеку «славянских вед», включив в нее множество других текстов.

Во многих изданиях текст «Влесовой книги» сопровождался «Славяно-русскими Ведами» — «реконструируемыми» Асовым «Песнями птицы Гамаюн» и «Книгой Коляды». Кроме того, он активно использовал наследие знаменитого мистификатора начала XIX века Александра Ивановича Сулакадзева.

Сулакадзев — личность легендарная. В 1800—1810-х годах он создал (или, как он сам утверждал, нашел) множество якобы древних текстов: «Боянов гимн», «Ярилину книгу», «Перуницу» и другие. Уже современники Сулакадзева, включая митрополита Евгения (Болховитинова), разоблачили его как фальсификатора. В XIX—XX веках в науке утвердилось однозначное мнение: все тексты Сулакадзева — подделки.

Асов пошел против этого консенсуса. Он объявил тексты Сулакадзева подлинными, включил их в свои издания, предложил собственное чтение и разбиение на слова. «Ярилина книга», «Тризны Бояновы» предстали в его публикациях как полноправные части древнеславянского наследия. «Речения волхвов» Сулакадзева Асов назвал «Перуницей».

Таким образом, сформировался «канонический» корпус текстов, который миллионы читателей воспринимали как подлинную священную литературу древних славян. В него вошли:

- «Велесова книга» (в редакции Асова);
- «Песни птицы Гамаюн» (мифы о сотворении мира);
- «Книга Коляды» (мифы о рождении и деяниях богов);
- «Боянов гимн» (текст, посвященный древнему певцу);
- «Ярилина книга» (тексты о славянских праздниках);
- и другие сочинения.

Все это подавалось под единой обложкой, в едином оформлении, с едиными комментариями. У читателя создавалось целостное впечатление: да, существовала великая древняя славянская цивилизация, у нее были свои священные книги, и теперь, благодаря подвижническому труду Асова, эти книги стали доступны народу.

Важно отметить и роль визуального оформления. Книги Асова издавались с использованием «древнерусских рисунков VI—XIII вв. н.э.», как указывалось в выходных данных. Шрифт «велесовой грамоты» специально разрабатывался для этих изданий. Все это создавало атмосферу подлинности, погружало читателя в мир древности.

4.5. Коммерческий успех и влияние на массовое сознание

Коммерческий успех книг Асова был феноменален. Точные данные о тиражах отсутствуют, но, по оценкам, они исчислялись миллионами экземпляров. Книги постоянно переиздавались, появлялись в разных сериях, в разных оформлениях.

Причины этого успеха коренились в той самой общественной ситуации начала 1990-х годов, о которой уже говорилось. Но можно выделить и более конкретные факторы.

Во-первых, вакуум идентичности. После распада СССР миллионы людей оказались в ситуации «потерянного времени». Прежняя идентичность («советский человек») рухнула, новая еще не сформировалась. Люди остро нуждались в ответе на вопрос «кто мы?». Книги Асова давали ответ: мы — потомки великих ариев, наследники древнейшей цивилизации, народ с тысячелетней историей и богатейшей культурой. Этот ответ был не просто утешительным — он был возвышающим, вселяющим гордость.

Во-вторых, вакуум веры. Атеистическая пропаганда дискредитировала себя, традиционные религии (прежде всего православие) многими воспринимались как «чужие», навязанные извне. «Велесова книга» в изложении Асова предлагала альтернативу — «природную веру предков», «ведическую традицию», которая была якобы исконной, родной, естественной. И эта вера не требовала сложных догматов, церковной иерархии, жесткой дисциплины — она была доступна каждому.

В-третьих, вакуум исторического знания. Официальная историческая наука воспринималась многими как скучная, догматическая, скрывающая «правду». Книги Асова, напротив, предлагали захватывающую, полную тайн и загадок, героическую историю. Здесь были и древние миграции народов, и битвы с готами и гуннами, и мудрые волхвы, и великие князья. Это было увлекательное чтение, далекое от академической сухости.

В-четвертых, поэтичность и доступность изложения. Асов писал ярко, образно, увлекательно. Его переводы читались как поэзия, его комментарии объясняли сложные места, его словари помогали ориентироваться в пантеоне богов. Книги были рассчитаны на массового читателя — и они нашли своего читателя.

Влияние Асова на массовое сознание трудно переоценить. Как отмечается в авторитетных источниках, он «оказал влияние на массовое сознание: благодаря большим тиражам книг идеи Асова известны российским читателям лучше, чем научные концепции». Это горькое признание для профессиональных историков, но это факт.

Миллионы людей в России и за ее пределами воспринимают сегодня «Велесову книгу» именно в версии Асова. Они знают богов Крышняя и Вышня (которых нет ни в одном другом источнике, кроме книг Асова), они верят в историю о распятии Буса Белояра, они считают славян прямыми потомками ариев. Все эти представления — результат колоссальной работы Асова по мифотворчеству.

Важно подчеркнуть: Асов не просто публиковал древние тексты — он создавал новую реальность. И эта реальность оказалась для многих более привлекательной, чем та, которую предлагала академическая наука.

4.6. Критика асовских изданий в научной среде

Реакция профессиональных историков и филологов на деятельность Асова была, мягко говоря, сдержанной. Если в начале 1990-х годов они еще пытались вести дискуссию, то со временем тон их высказываний становился все более резким, а оценки — все более жесткими.

Критика велась по нескольким направлениям.

Лингвистическая критика. Филологи, такие как О. В. Творогов и А. А. Алексеев, неоднократно указывали на полную некомпетентность Асова в славянской грамматике. Они отмечали «произвол толкований Асова в его переводах, неоговорённые изменения орфографии и даже текста ВК». Особенно показательным был случай с юсами: введение в текст знаков, которые Асов сам не понимал и использовал чисто декоративно, ярко демонстрировало уровень его работы.

Текстологическая критика. Исследователи указывали, что Асов не просто переводит, но постоянно редактирует текст, добавляет, убирает, меняет местами фрагменты, причем делает это без каких-либо оговорок. В результате читатель имеет дело не с «Влесовой книгой» в том виде, в каком она была опубликована Миролюбовым или Лесным, а с неким новым текстом, созданным самим Асовым.

Источниковая критика. Особое возмущение специалистов вызывало включение Асовым в корпус «славянских вед» заведомых подделок Сулакадзева. «Вопреки устоявшемуся со времён Сулакадзева мнению науки, Асов считает их не подделкой, а подлинными сочинениями». Это воспринималось как вызов не просто отдельным ученым, но всей традиции научной критики источников.

Концептуальная критика. Историки указывали на фантастичность построений Асова. Его «Русколань», его «Бус Белояр», его хронология — все это не имеет никаких подтверждений в надежных исторических источниках. Это чистый вымысел, выдаваемый за историю.

Этическая критика. Некоторые исследователи обращали внимание на опасность идей, пропагандируемых Асовым. Отождествление славян с «арийцами», идея расового превосходства, противопоставление «своих» и «чужих» — все это создавало питательную среду для ксенофобии и национализма.

Однако вся эта критика имела один существенный недостаток: она не доходила до массового читателя. Академические статьи публиковались в малодоступных изданиях, научные монографии выходили мизерными тиражами. Книги же Асова лежали на каждом лотке, в каждом магазине. В информационной войне за умы миллионов наука проиграла.

Более того, сама резкость критики, ее безапелляционный тон часто играли на руку Асову. Его сторонники воспринимали нападки ученых как подтверждение того, что официальная наука «скрывает правду», что она находится в заговоре против подлинной истории славян. Конспирологическая версия, заложенная еще Лесным, получила новое мощное подкрепление.

Сегодня, спустя три десятилетия после первых публикаций Асова, можно подвести некоторые итоги. Александр Асов выполнил миссию, которую не могли выполнить ни Миролюбов, ни Лесной, ни энтузиасты-самиздатчики. Он превратил маргинальный текст, вызывающий сомнения у специалистов, в факт массовой культуры, в основу мировоззрения миллионов, в сакральное писание новой веры. Научное сообщество может сколько угодно доказывать, что «Влесова книга» — подделка, что переводы Асова некомпетентны, что его исторические построения — фантазия. Но миллионы людей в это не верят. У них есть свои книги, свои авторитеты, своя правда.

И в этом, пожалуй, заключается главный урок истории «Влесовой книги»: в эпоху информационного плюрализма научная истина не гарантирует себе массового признания. Побеждает не тот, кто прав, а тот, кто интереснее, кто увлекательнее, кто лучше отвечает на глубинные запросы души. Асов оказался таким рассказчиком. И его рассказ еще далек от завершения.

Библиографический обзор к части первой

Основные издания текста (хронологический перечень)

1953—1959 — Публикации А. А. Кура (Куренкова) в журнале «Жар-птица» (Сан-Франциско). Первые публикации текстов и переводов «дощечек Изенбека».

1966 — Лесной С. «Влесова книга» — языческая летопись доолеговской Руси: (История находки, текст и комментарий). — Виннипег. — 168 с. Первое отдельное издание, посвященное памятнику, с развернутым комментарием.

1990 — Творогов О. В. Влесова книга // Труды Отдела древнерусской литературы. — Т. 43. — Л.: Наука. — С. 170—254. Первая научная публикация текста в России по машинописи Миролюбова.

1992 — Асов А. И. Русские Веды: Песни птицы Гамаюн, Влесова книга. — М.: Наука и религия. — 336 с. — Тираж 50 000 экз. Первое массовое издание, открывшее «Влесову книгу» миллионам читателей.

1994 — Асов А. И. Влесова книга. — М.: Менеджер. — 318 с. Второе, расширенное издание.

1995 — Влесова книга. — М. (в каталоге ГПИБ)

1996 — Асов А. И. Звёздная Книга Коляды. — М.: Наука и религия. — 432 с.

1997 — Асов А. И. Книга Велеса. — М.: Наука и религия. — 288 с. Новая композиция глав, исходный текст не приводится.

1998 — Асов А. И. Мифы и легенды древних славян. — М.: Наука и религия. — 319 с. — (Златая цепь)

1999 — Асов А. И. Атланты, арии, славяне. — М.

2000 — Асов А. И. Книга Велеса. — М.: Политехника. — 480 с. — ISBN 5732505458

2000 — Асов А. И. Славянские руны и «Боянов гимн». — М.: Вече. — 413 с. — (Великие тайны). — ISBN 5783805629

2001 — Асов А. И. Тайны «Книги Велеса». — М.: Аиф-Принт. — 557 с. — (Русь многоликая). — ISBN 5932290803

2001 — Асов А. И. Свято-Русские Веды. Книга Велеса. — М.: ФАИР-ПРЕСС

2001 — Асов А. И. Славянская астрология: Звездомудрие, звездочетец, календарь, обряды. — М.: ФАИР-ПРЕСС. — 583 с. — ISBN 5818302377

2003 — Асов А. И. Славянские Веды. (Перевод с болгаро-помакского). — М.: ФАИР-ПРЕСС. — 700 с.

2005 — Асов А. И. Песни Гамаюна / Извод Буса Кресеня. — М.: ФАИР-ПРЕСС. — (Веды Руси)

2006 — Асов А. И. Песни Алконоста / Извод Златогора. — М.: ФАИР-ПРЕСС. — (Веды Руси)

2008 — Асов А. И. Боги славян и рождение Руси. — М.: Вече. — 382 с. — (Русь ведо-славная). — ISBN 5953326009

2008 — Асов А. И. Атланты, арии, славяне: История и вера. — М.: ФАИР-ПРЕСС. — 555 с. — ISBN 5818312763

2009 — Лесной С. С. «Влесова книга» — языческая летопись доолеговской Руси. — СПб. — 109, [3] с. — ISBN 978-5-94158-1-23-8 Переиздание работы Лесного в России.

Мемуарная литература и свидетельства

Миролюбов Ю. П. Материалы к истории крайне-западных славян. — Мюнхен, 1955.

Миролюбов Ю. П. Русский языческий фольклор. Очерки быта и нравов. — Мюнхен, 1962.

Миролюбов Ю. П. Риг-веда и язычество // Сборник статей. — Мюнхен, 1981. — Т. 3. (Содержит фрагменты «Влесовой книги»).

Куренков А. А. (Кур). О дощечках Изенбека // Жар-птица. — Сан-Франциско. — 1953—1959.

Лесной С. Пересмотр основ истории славян. — Мельбурн, 1956.

Лесной С. История руссов в неизвращенном виде. — Париж; Мюнхен, 1950—1960. — Вып. 1—10.

Лесной С. Русь, откуда ты? — Виннипег, 1964.

Письма Ю. П. Миролюбова к С. Лесному (хранятся в архивных собраниях, частично опубликованы).

Архивные материалы (по доступным источникам)

Архив Музея русской культуры в Сан-Франциско. Коллекция А. А. Кура (Куренкова), содержащая материалы по «дощечкам Изенбека».

Архив Отдела редких книг и рукописей Библиотеки Университета Южной Калифорнии (Лос-Анджелес). Документы Ю. П. Миролюбова.

Архив Российской академии наук (Москва). Материалы Комитета славистов АН СССР, включая переписку по поводу экспертизы «Влесовой книги».

Личный архив Д. С. Логинова (Москва). Материалы к монографии «„Влесова книга“: введение к научному анализу источника».

Часть вторая. Источниковедческий анализ: аргументы pro et contra

Глава 5. История изучения: основные вехи и персоналии

Спор о «Влесовой книге» длится уже более семи десятилетий. За это время сменилось несколько поколений исследователей, были выдвинуты десятки аргументов «за» и «против», защищены диссертации, опубликованы монографии и сборники статей. Полемика велась на страницах эмигрантских журналов и советских академических изданий, в самиздате и в интернете, на научных конференциях и в неоязыческих капищах. Сегодня мы можем окинуть взглядом эту долгую историю и попытаться классифицировать те подходы, которые сформировались в ней.

История изучения «Влесовой книги» — это не просто хронологический перечень работ и имен. Это история противостояния двух принципиально различных способов мышления: научного, требующего доказательств и опирающегося на верифицируемые методы, и мифологического, исходящего из веры, интуиции, эмоциональной потребности. В этом противостоянии нет и, вероятно, не может быть победителя, потому что стороны говорят на разных языках и апеллируют к разным авторитетам.

5.1. Классификация исследовательских подходов

В историографии «Влесовой книги» традиционно выделяются два основных направления: апологетическое (признающее подлинность памятника) и скептическое (считающее его подделкой). Однако, как справедливо отмечает Д. С. Логинов в своей фундаментальной монографии 2022 года, эта бинарная классификация не исчерпывает всего многообразия исследовательских позиций.

Логинов предлагает более дифференцированный подход, выделяя в историографии «Влесовой книги» несколько этапов и направлений, различающихся не только итоговыми выводами, но и методологией, источниками, целями исследования. В его монографии «„Влесова книга“: введение к научному анализу источника» дан комплексный разбор памятника с историографической, источниковедческой, филологической, исторической и научно-религиоведческой точек зрения.

Обобщая имеющиеся подходы, можно выделить три основных исследовательских направления:

Апологетическое направление объединяет исследователей, которые признают «Влесову книгу» подлинным историческим источником. Внутри этого направления существуют значительные различия: одни считают книгу древней летописью IX века, другие относят ее создание к более раннему или более позднему времени, третьи рассматривают ее как позднюю запись устной традиции, сохранившей древние предания. Объединяет их убеждение в том, что текст не является сознательной фальсификацией XX века и содержит ценную информацию о прошлом славян.

Скептическое направление исходит из того, что «Влесова книга» представляет собой подделку, созданную в XIX или (что более вероятно) XX веке. Сторонники этого направления опираются на данные лингвистики, текстологии, истории и палеографии, которые, по их мнению, неопровержимо доказывают искусственность памятника. Внутри скептического направления также есть разногласия: одни исследователи относят создание текста к XIX веку и связывают его с деятельностью А. И. Сулакадзева, другие считают автором Ю. П. Миролюбова, третьи предполагают коллективное творчество эмигрантского кружка.

«Третья позиция» — это относительно новое направление, сформировавшееся в последние десятилетия. Его сторонники стремятся выйти за пределы спора о подлинности и рассматривают «Влесову книгу» как культурный и историографический феномен, требующий изучения независимо от ее отношения к древности. С этой точки зрения, книга интересна не как возможный источник сведений о прошлом, а как документ своей эпохи, отражающий идеологические и духовные искания русской эмиграции, а затем и постсоветского общества.

Рассмотрим каждое из этих направлений подробнее.

5.2. Апологетическое направление

Апологетическое направление в изучении «Влесовой книги» имеет свою историю, своих героев и свои внутренние течения. Его родоначальником по праву считается Сергей Лесной (С. Я. Парамонов), который первым не только поверил в подлинность дощечек, но и предпринял систематические усилия по их публикации и популяризации.

Лесной, как уже говорилось в предыдущих главах, был фигурой сложной и противоречивой. Профессиональный энтомолог, он обладал всеми достоинствами и недостатками ученого-естественника, вторгающегося в гуманитарную сферу: привычкой к точным методам исследования, верой в силу логического анализа и одновременно — недостатком специальных знаний в области истории языка и текстологии. Его труды о «Влесовой книге» заложили основы апологетической традиции, но одновременно и дискредитировали ее в глазах профессиональных ученых из-за множества фактических ошибок и дилетантских построений.

После Лесного эстафета защиты подлинности перешла к Александру Асову, который не просто продолжил дело предшественника, но и придал ему совершенно новый масштаб. Асов создал целую библиотеку «славянских вед», в которую «Влесова книга» вошла как центральный, но далеко не единственный текст. Он не только перевел и прокомментировал памятник, но и существенно отредактировал его, приблизив к ожиданиям массового читателя. Благодаря Асову «Влесова книга» стала фактом массовой культуры, а ее апологетика приобрела миллионы сторонников.

В последние десятилетия к защите подлинности подключились новые силы. Как отмечается в Википедии, сторонниками подлинности «Влесовой книги» являются биохимик А. А. Клёсов (основатель «Российской академии ДНК-генеалогии», создатель и популяризатор «ДНК-генеалогии», признанной специалистами лженаучной), журналист и писатель А. А. Тюняев (создатель и популяризатор «организмики», также признанной специалистами лженаучной), историк Д. С. Логинов, картограф Г. З. Максименко (член «Российской академии ДНК-генеалогии»), военный филолог-арабист В. Д. Осипов, филолог В. В. Цыбульский, филолог А. Т. Липатов (профессор Марийского государственного университета), писатель-публицист В. С. Гнатюк и другие.

Эти исследователи предприняли попытку доказать подлинность текста в трёхтомном сборнике «Экспертиза Велесовой книги: История, лингвистика, ДНК-генеалогия», вышедшем в 2015 году. Характерно, что в число авторов вошли представители самых разных дисциплин — от лингвистики до ДНК-генеалогии, что отражает стремление апологетов использовать арсенал современной науки для защиты древнего текста.

Однако профессиональное научное сообщество относится к этим попыткам крайне скептически. Как отмечается в академических источниках, и ДНК-генеалогия Клёсова, и «организмика» Тюняева признаны специалистами лженаучными направлениями, не имеющими отношения к реальной науке. Это, впрочем, нисколько не мешает их популярности среди сторонников «альтернативной истории».

Аргументация апологетов строится на нескольких основных тезисах:

1. *Лингвистический аргумент*: язык «Влесовой книги» представляет собой неизвестный науке древнеславянский диалект, возможно, жреческий или сакральный. Его отличия от известных языков объясняются не искусственностью, а неполнотой наших знаний о прошлом.

2. *Исторический аргумент*: содержание книги находит параллели в других источниках (например, в «Слове о полку Игореве») и подтверждается некоторыми археологическими данными, которые не были известны в момент создания текста.

3. *Палеографический аргумент*: письмо «Влесовой книги» (так называемая «велесовица») имеет аналоги в других древних системах письменности и не может быть плодом фантазии фальсификатора.

4. *Этико-психологический аргумент*: текст несет в себе такую духовную силу и глубину, что не может быть создан фальсификатором; это мог создать только народ на протяжении веков.

5. *Конспирологический аргумент*: негативное отношение академической науки к «Влесовой книге» объясняется не объективным анализом, а идеологической предвзятостью, русофобией, нежеланием признать величие славянской древности.

Последний аргумент особенно важен для понимания феномена. Как отмечал академик А. А. Зализняк, «вера в то, что ВК — это подлинное свидетельство безмерной „древности“ русских и их превосходства в этом отношении над всеми окружающими народами, ничему, кроме ксенофобии и тем самым чрезвычайно опасного для нашей реальной жизни роста межнациональной напряжённости, способствовать не может». Однако апологеты воспринимают эту критику как подтверждение своей правоты: если ученые так резко отвергают книгу, значит, в ней есть что-то, что они хотят скрыть.

5.3. Скептическое направление

Скептическое направление в изучении «Влесовой книги» представлено гораздо меньшим числом исследователей, если говорить о тех, кто посвятил этой теме специальные работы. Однако за этим меньшинством стоит мощная традиция академической науки и подавляющее большинство профессиональных историков и филологов.

Основоположницей научной критики «Влесовой книги» по праву считается Лидия Павловна Жуковская — крупнейший специалист по древнеславянской письменности, автор фундаментальных трудов по палеографии и лингвистическому источниковедению. Именно она провела первую экспертизу текста по фотографии дощечки №16 и пришла к выводу, что «рассмотренный материал не является подлинным».

Вслед за Жуковской к анализу «Влесовой книги» обратились другие видные ученые. Олег Викторович Творогов, сотрудник Отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома, опубликовал в 1990 году первую научную публикацию текста и сопроводил ее обстоятельным анализом, доказывающим его искусственность. В своей работе Творогов не только рассмотрел лингвистические и исторические несообразности памятника, но и реконструировал вероятные источники, которыми пользовался фальсификатор.

Борис Александрович Рыбаков, крупнейший авторитет в области славянской археологии и истории, также высказался о «Влесовой книге» однозначно отрицательно. В совместной статье с В. И. Бугановым и Л. П. Жуковской «Мнимая „древнейшая летопись“», опубликованной в журнале «Вопросы истории» в 1977 году, он подверг резкой критике попытки представить текст как подлинный.

Особое место в ряду скептиков занимает академик Андрей Анатольевич Зализняк — выдающийся лингвист, специалист по древненовгородскому диалекту и истории русского языка. В своих работах о «любительской лингвистике» он уделил внимание и «Влесовой книге», показав на конкретных примерах, как незнание законов развития языка приводит к созданию искусственных конструкций, невозможных в подлинном древнем тексте. Приведенная выше цитата Зализняка о связи веры в подлинность книги с ксенофобией стала хрестоматийной.

Владимир Петрович Козлов, специалист по истории фальсификаций, рассмотрел «Влесову книгу» в контексте других подделок исторических источников. В своей монографии «Тайны фальсификации» он показал преемственность между мистификациями А. И. Сулакадзева XIX века и текстом, опубликованном Миролюбовым и Лесным.

Игорь Николаевич Данилевский, историк, специалист по Древней Руси, посвятил «Влесовой книге» раздел в своем учебном пособии «Древняя Русь глазами современников и потомков», где наглядно продемонстрировал несоответствие содержания книги реальным историческим фактам.

Наконец, Дмитрий Сергеевич Логинов, автор фундаментальной монографии 2022 года, хотя и не относится к числу ортодоксальных скептиков (его позиция более сложна), в своей работе обобщил и систематизировал все основные аргументы против подлинности, создав своего рода энциклопедию скептического направления.

Аргументация скептиков может быть сведена к нескольким основным тезисам:

1. *Лингвистический аргумент*: язык «Влесовой книги» представляет собой искусственную смесь элементов разных славянских языков и разных исторических эпох, что невозможно в любом реальном живом языке. Как отмечается в Православной энциклопедии, «язык „В. к.“ является одним из основных доказательств ее подложности. Он сочетает в себе разновре-

менные явления восточно-, западно- и южнослав. языков, в тексте встречаются грубые грамматические (напр., присутствие в одном глаголе суффикса имперфекта и окончания аориста, невозможные сочетания падежей существительных и определений и т. п.), фонетические и орфографические ошибки».

2. *Палеографический аргумент*: фотография единственной дощечки (№16) свидетельствует не о резьбе по дереву, а о рисовании пером, с последующей ретушью. Сама же фотография сделана не с подлинника, а с прориси, что исключает возможность научной экспертизы.

3. *Текстологический аргумент*: история публикаций текста (отсутствие оригинала, путаница с фотографиями, противоречия в показаниях Миролюбова) вызывает серьезные сомнения в добросовестности публикаторов. Слишком многое в этой истории не сходится, слишком много темных мест.

4. *Исторический аргумент*: содержание книги противоречит всему, что известно науке о ранней истории славян. Упоминания народов и событий хаотичны, хронология отсутствует, реалии быта не соответствуют археологическим данным.

5. *Аргумент от автора*: все лица, причастные к появлению текста, не имели необходимой квалификации для работы с древними памятниками и были склонны к мистификациям (Куренков) или к сочинительству на темы славянской древности (Миролюбов). Существует высокая вероятность, что именно Миролюбов и является автором текста.

6. *Аргумент от контекста*: содержание «Влесовой книги» слишком точно отвечает на споры, которые велись в русской эмигрантской среде в середине XX века (о норманнах, о древности славян, о варягах, о вреде христианства), чтобы быть подлинным древним текстом.

5.4. «Третья позиция»: попытки найти компромисс

В последние десятилетия все отчетливее заявляет о себе «третья позиция» в изучении «Влесовой книги». Ее сторонники стремятся выйти за пределы бесплодного спора о подлинности и рассмотреть текст как культурный и историографический феномен, заслуживающий изучения независимо от его отношения к древности.

Наиболее ярким представителем этого направления является Дмитрий Сергеевич Логинов, автор монографии «„Влесова книга“: введение к научному анализу источника» (Москва, 2022). Как следует из аннотации к книге, это «первая попытка сугубо научного и вместе с тем беспристрастного анализа источника», содержащая его «комплексный разбор с историографической, источниковедческой, филологической, исторической и научно-религиоведческой точек зрения».

Логинов не ставит перед собой задачу окончательно доказать или опровергнуть подлинность памятника. Вместо этого он исследует историю его изучения, анализирует аргументы сторон, реконструирует контекст создания текста и его бытования в культуре. Такой подход позволяет увидеть в «Влесовой книге» не просто подделку или древний памятник, а сложный феномен, в котором переплелись научные, идеологические, религиозные и эстетические мотивы.

Близкую позицию занимают и некоторые другие исследователи, которые, не отрицая выводов лингвистической экспертизы, признают, что «Влесова книга» стала важным фактором общественного сознания, породила целую традицию интерпретаций и продолжает влиять на умы миллионов людей. Для них важно понять не «что это такое на самом деле», а «как это работает», почему текст вызывает такой эмоциональный отклик, какие потребности он удовлетворяет.

К этому же направлению можно отнести и тех авторов, которые, подобно А. Иликаеву, видят в «Влесовой книге» прежде всего литературный и мифологический феномен. В рецензии на роман Р. Паля «Из тьмы забвенья» Иликаев пишет: «...избран в качестве „источника“ даже такой сомнительный продукт, как „Влесова книга“, Палю удалось воссоздать неисторическими средствами вполне убедительную по духу историческую реальность, воскресить из тьмы забвения не внешние какие-то события, а действительно некую сверхидею древней славянской культуры». Для такого подхода неважно, подлинна книга или нет — важно, что она способна рождать художественные миры и влиять на культуру.

«Третья позиция» имеет свои достоинства и недостатки. Ее достоинство — в снятии изнурительной дихотомии «подлинное/поддельное», которая загоняет исследователя в угол и не позволяет увидеть ничего, кроме этого вопроса. Ее недостаток — в опасности релятивизма, когда вопрос об истине объявляется несущественным, а любой миф признается имеющим право на существование просто потому, что он существует.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.